

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
**«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»**
Уральский гуманитарный институт
Кафедра иностранных языков и перевода

**ОБРАЩЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ДРУГ К ДРУГУ
В РОМАНЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА
«ПРИВАЛОВСКИЕ МИЛЛИОНЫ»
(СОПОСТАВИТЕЛЬНО С АНГЛИЙСКИМ ПЕРЕВОДОМ)**

Направление подготовки 45.04.02 «Лингвистика»
Профиль «Перевод и переводоведение»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

проф., д-р пед. наук

_____ Л. И. Корнеева

« ____ » _____ 2024 г.

Нормоконтролер

доцент, канд. экон. наук

_____ Е. В. Язовских

« ____ » _____ 2024 г.

Выпускная квалификационная работа

магистранта

Самофал

Екатерины Игоревны

Научный руководитель

доцент, канд. филол. наук

_____ Н. Ю. Мухин

« ____ » _____ 2024 г.

Екатеринбург
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 ОБРАЩЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ПЕРЕВОДЕ.....	7
1.1 Литературно-художественный функциональный стиль	7
1.2 Синтаксический статус обращения	20
1.3 Приемы выразительности, основанные на обращении	30
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	36
ГЛАВА 2 АНАЛИЗ РОМАНА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ПРИВАЛОВСКИЕ МИЛЛИОНЫ»	37
2.1 Особенности выбранного для анализа произведения	37
2.2 Обращения в первой части романа.....	38
2.3 Обращения во второй части романа.....	72
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	110
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	115
ПРИЛОЖЕНИЕ	I

ВВЕДЕНИЕ

Язык не только отражает внешний мир, но и содержит элементы культуры народа. В. А. Маслова пишет, что язык является наследием и инструментом культуры. Культура народа выражается через язык, и именно язык сохраняет ключевые понятия культуры, передавая их в символической форме – словах [37, с. 67].

В конце XX века возникла новая междисциплинарная область – лингвокультурология, изучающая взаимосвязь между культурой и языком. Её основная цель – исследовать, как культура проявляется в языке. Единица лингвокультурологии – лингвокультурема, представляющая собой единицу языка или речи, содержащую культурную информацию.

Обращение – один из видов лингвокультуремы и относится к области речевого этикета. Оно представляет интерес для сравнительного изучения разных языков, так как обращения включают, например, имена людей, обозначения родственных связей, социального положения, профессии, должности, звания, национальности и возраста. Поскольку обращение, как пишет Алешкина, всегда связано с речевым этикетом, его выбор зависит от социального статуса и условий общения собеседников [6, с. 65]. С помощью обращения можно привлечь чье-то внимание, определить социальный статус участников беседы, выразить эмоциональное отношение и даже манипулировать собеседником.

Перевод обращений имеет свои особенности. Как утверждают С. Влахов и С. Флорин, среди обращений существует большое количество слов-реалий, которые характеризуют определенную культуру. Такие обращения являются носителями национального колорита [15, с. 242].

Также необходимо учитывать культурные особенности, социальный статус персонажа, отношения между персонажами и многое другое. При переводе обращений можно использовать различные стратегии, такие как сохранение оригинального обращения, приближенный перевод с учетом контекста, или выбор аналогичного обращения в ПЯ.

Актуальность темы исследования обусловлена сравнительно малым количеством исследований, посвящённых особенностям перевода произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка, недостаточной изученностью проблемы.

Целью нашей работы на данном этапе является изучение особенностей перевода обращений в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы».

Для достижения указанной цели намечено решение следующих **задач**:

1. Описать особенности литературно-художественного функционального стиля и охарактеризовать обращение в качестве компонента синтаксического целого;
2. Сопоставить английский перевод «Приваловских миллионов» с русским оригиналом;
3. Охарактеризовать трудности перевода обращений в данном произведении на английский язык.

Материал исследования – роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы», наибольшее внимание было уделено первым двум частям.

Объектом нашего исследования являются обращения, функционирующие в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы».

Предметом исследования становятся способы перевода обращений.

Гипотеза научного исследования: обращение является «маркером» обстоятельств, в которых происходит общение. В художественном переводе важно учитывать перевод обращений, чтобы сохранить национальный колорит, передать особенности эпохи и отразить стиль автора.

Научная новизна заключается в комплексном анализе перевода обращений в романе.

Теоретическая значимость заключается в актуализации трудностей перевода обращений, а именно – определяются способы передачи обращений с русского языка на английский.

Практическая значимость – возможность использования выводов исследования в переводческой деятельности – при переводе с русского языка на английский произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Источниковая база: труды ученых по теории художественного перевода (С. Влахов, С. Флорин, Ю. П. Солодуб, Т. В. Матвеева, В. Н. Комиссаров, В. В. Виноградов), по теории адекватности в переводе (Л. С. Бархударов, Н. К. Гарбовский, И. С. Алексеева).

Методы исследования: сопоставительный, классификационный, анализ, синтез.

Положения, выносимые на защиту:

- обращение является важной составляющей коммуникации и обладает уникальной функциональной структурой;
- для её выявления и интерпретации необходим комплексный подход, который важен при переводе таких единиц;
- различия в использовании обращений в русском и английском языках связаны с особенностями систем и норм данных языков;
- частотность применения того или иного приема перевода зависит от типа обращений.

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из: введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка литературы и использованных источников, приложения. В главе 1 представлены теоретические аспекты исследования. В главе 2 – практическая часть работы. Общий объем – 137 страниц. Список литературы и использованных источников содержит 80 наименований.

Список публикаций по теме магистерской диссертации.

Самофал Е. И. «Аленушкины сказки» Д. Н. Мамина-Сибиряка в английском переводе 1922 г.: к проблеме передачи имен // Молодые голоса:

сб. тр. молодых ученых / под ред. И. В. Шалиной. Вып. 11. – Екатеринбург: Ажур, 2023. – С. 166–172.

Самофал Е. И. Обращения персонажей друг к другу в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (сопоставительно с английским переводом) // Слово в зеркале истории языка: сб. ст. VII Абрамовских научных чтений, Набережные Челны, 13 октября 2023 г. – Набережные Челны: Набережночелнинский государственный педагогический университет, 2023. – С. 114–123.

Самофал Е. И. Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (ч. 2, гл. 2) в аспекте персонажных обращений / Е. И. Самофал, Н. Ю. Мухин. Принята к публикации в сборнике материалов международной научно-практической конференции «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации в условиях реальной и виртуальной среды» (18.04.2024).

ГЛАВА 1 ОБРАЩЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ПЕРЕВОДЕ

1.1 Литературно-художественный функциональный стиль

Для переводчика важно понимать языковые особенности, чтобы обеспечить качественный и точный перевод текста. Это связано с тем, что языки различаются грамматическими нормами, произношением, семантическими функциями. Осмысление этих особенностей позволяет избежать ошибок, связанных с неправильным пониманием значения слов, погрешностей в синтаксической структуре предложения и неверных смысловых ассоциаций.

Языковые особенности, включая лексику, синтаксические и морфологические части грамматики, являются фундаментальными элементами любого языка.

Лексика – это одна из центральных областей языка, которая отвечает за название, формирование и передачу знаний об объектах реальной действительности. Лексика представляет собой совокупность слов того или иного диалекта, и её изучение позволяет лучше понять его особенности и развитие [24, с. 67]. Русская лексика – это богатый и загадочный раздел русского языка, который постоянно находится в развитии благодаря различным причинам, таким как развитие общества, появление новых реалий и переосмысление старых названий. Для данного языка характерно большое число многосложных слов [50, с. 24]. Русская лексика делится на несколько классов, включая общеупотребительную лексику и лексику ограниченного употребления (профессионализмы, жаргонизмы, диалектизмы).

Лексика отражает понятия и объекты, существующие в определенной культуре и обществе. Переводчики должны хорошо понимать лексику как ИЯ (исходный язык), так и ПЯ (переводящий язык), чтобы точно передать смысл.

Грамматика – это основа языка, которая определяет его структуру и правила использования. Она является ключевой особенностью языка, поскольку без грамматики невозможно было бы создавать и понимать тексты,

общаться и выражать свои мысли [72, с. 1]. Она обеспечивает идентичность восприятия информации и делает текст красивым и понятным. Она также помогает развивать речь и мышление, так как люди активно используют грамматические элементы в живой речи. Данная система языка может быть сложной, и многие языки имеют свои уникальные особенности. Например, русский язык славится своей сложной грамматикой, которая требует запоминания множества правил и исключений. Без знания её особенностей невозможно овладеть языком в полной мере, сделать свою речь связной и понятной для других. Она также помогает формировать языковое чутьё, которое усиливается с возрастом и опытом.

Грамматика включает в себя правила и структуры, которые определяют, как слова объединяются в предложения и словосочетания в языке. Также содержит такие аспекты, как порядок слов, время, наклонение, тембр голоса. Она обеспечивает основу для построения осмысленных предложений. Переводчики должны ориентироваться в грамматических различиях между языками, чтобы создавать точные переводы, ведь грамматические явления того или иного языка могут существенно отличаться от грамматических явлений другого языка (хотя в отдельных отношениях все же могут иметь сходства) [53, с. 179]. Невозможно перевести иностранный текст без знания его грамматической структуры [36, с. 158].

Синтаксис – это наука, изучающая расположение слов и фраз в предложении. Она включает правила построения предложений, размещение слов и шаблоны предложений [3, с. 359]. Синтаксис играет решающую роль в передаче смысла между различными элементами предложения.

Важно понимать синтаксические условности как ИЯ, так и ПЯ, чтобы обеспечить и устный, и письменный перевод.

Морфология изучает структуру и образование слов в языке [11, с. 5]. Область её изучения включает префиксы, суффиксы, корни и модели, которые изменяют значение слова, время, число или падеж. Морфологический анализ помогает переводчикам понять внутреннюю структуру слов. Переводчики

должны знать о морфологических различиях между языками, чтобы точно передавать словоформы при переводе. Например, при переводе глагола может потребоваться учитывать его спряжение или время в ПЯ.

Переводчику важно учитывать особенности не только элементов самого языка, но и стиль, в котором написан текст.

Стиль – это характер речи, присущий её социальным разновидностям. Стиль соответствует определенной сфере общественной деятельности.

В русском языке существует несколько функциональных стилей.

Научный стиль используется в монографиях и лекциях, характеризуется строгой логической структурой, использованием терминов и формул, отсутствием эмоциональности.

Официально-деловой стиль применяется в юридических документах, официальной корреспонденции и общественной речи. Он отличается точностью, формальностью и стандартизацией выражений. Его главная функция – узаконивание отношений между государственными учреждениями, объединениями людей [21, с. 216]

Публицистический стиль используется в средствах массовой информации, политических речах, характеризуется убедительностью, эмоциональностью и ясностью изложения.

Разговорный стиль используется в повседневной неформальной речи, отличается непринуждённостью, эмоциональностью, наличием просторечий и диалектных слов.

Литературно-художественный стиль применяется в художественной литературе.

Литературно-художественный стиль отличается от других стилей своей эстетической функцией, образностью и эмоциональностью. В противоположность научному стилю, он не стремится к точности и объективности, а сосредоточен на передаче эмоций и впечатлений автора [34, с. 145]. В отличие от официально-делового стиля, литературно-художественный стиль использует разнообразные языковые средства для

создания ярких образов и впечатлений у читателя. В сравнении с публицистическим стилем, он не ориентирован на воздействие на общественное мнение, а сосредоточен на художественном изображении реальности.

Литературно-художественный стиль включает в себя множество элементов, которые определяют самовыражение авторов в различных средах [14, с. 3]. От письменного слова до визуальных композиций стиль служит средством передачи идей, эмоций и перспектив.

Литературный стиль отражает характерное использование автором языка, синтаксиса, образности и повествовательных приемов для передачи определенных настроений, тем и впечатлений. Данный стиль включает в себя различные элементы:

Язык и словарный запас. Писатели используют разнообразные лингвистические структуры, чтобы передать тон, настроение и черты характера. Выбор языка формирует восприятие и интерпретацию текста читателем [71, с. 3].

Синтаксис и структура предложения. Длина предложения, ритм и структура влияют на темп и течение повествования. Короткие, отрывистые предложения могут создавать напряженность и срочность, в то время как длинные, извилистые предложения поощряют созерцание и рефлекссию.

Образность и символизм. С помощью образов и символики писатели вызывают чувственные переживания и передают абстрактные концепции. Метафоры, сравнения и аллегории обогащают повествование, позволяя читателю разглядеть более глубокие значения и интерпретации [74, с. 3].

Повествовательный голос и перспектива. Повествовательный голос, будь то от первого лица, всезнающего рассказчика, от третьего лица или ненадежного рассказчика, формирует близость читателя к истории и персонажам. Точка зрения влияет на перспективу, сопереживание и взаимодействие читателя с текстом.

Литературно-художественный стиль не только формирует отдельные произведения, но и влияет на более широкие культурные движения и общественное восприятие. В своих творческих начинаниях писатели вступают в диалог с прошлым, настоящим и будущим, бросая вызов условностям, провоцируя размышления и способствуя сопереживанию и пониманию с разных точек зрения.

Искусство приглашает исследовать глубины воображения, эмоций и самовыражения. По мере того как создатели продолжают внедрять инновации и развиваться, наследие стиля сохраняется, формируя коллективное сознание и обогащая палитру человеческого творчества. Писатели стремятся отобразить современную им действительность или события из прошлого [49, с. 5].

В обширной сфере человеческого самовыражения литературно-художественный стиль является свидетельством разнообразия творческих начинаний и тонкостей индивидуального видения. От поэтической интонации стихов до ярких мазков кисти художника стиль отражает суть художественной идентичности и эволюцию культурного дискурса. Зачастую цель художественного текста состоит в эстетическом воздействии, донесение информации отходит на второй план. Важно каким образом она доходит до читателя [48, с. 19]. Литературный стиль, краеугольный камень повествования, воплощает в себе уникальный голос, перспективу и повествовательные техники, используемые писателями разных жанров и эпох. Он включает в себя спектр элементов, каждый из которых вносит свой вклад в гобелен литературного самовыражения:

Дикция и диалоги. Писатели тщательно подбирают слова и фразы, чтобы вызвать определенные эмоции, сенсорные переживания и передать тематический резонанс. Под диалогом понимается текст, создаваемый в определенной коммуникативной ситуации усилиями двух коммуникантов [44, с. 36]. Диалоги, наполненные аутентичностью и подтекстом, вдыхают жизнь в персонажей. Погружаясь в диалог, читатель находит смысл в самом себе. Он

обращает внимание не на все произведение, а лишь на части, которые его заинтересовали [25, с. 72].

Структура повествования и динамика сюжета. От линейных повествований до нелинейного сторителлинга авторы экспериментируют со структурными приемами, чтобы заинтересовать читателей и опровергнуть ожидания. Ретроспективные кадры, предзнаменования и фрагментация повествования открывают новые перспективы и приглашают читателей активно участвовать в процессе повествования.

Характеристика и психологическая глубина. Благодаря детальному развитию персонажей писатели исследуют сложности человеческой природы, мотивации и межличностную динамику. Главные герои, антагонисты и персонажи второго плана преодолевают глубины конфликтов, трансформаций и самопознания, находя отклик у читателей на глубоком эмоциональном уровне. А. Г. Горнфельд утверждает, что аудитория находит ответы на собственные вопросы, которые автор не ставил и не мог предвидеть [20, с. 162].

Тон, настроение и атмосфера. Литературный стиль охватывает взаимодействие этих трёх компонентов, задавая эмоциональный тон повествования. От атмосферной мрачности готической литературы до причудливого очарования магического реализма писатели создают захватывающие миры, которые переносят читателей в царство чудес и самоанализа.

В сфере изобразительного искусства стиль служит визуальным языком, посредством которого художники передают свои идеи, эмоции и эстетические ощущения. От классического реализма до абстрактного экспрессионизма художественный стиль воплощает богатую палитру техник, тем и культурных влияний.

Культурный контекст. Литературно-художественный стиль глубоко переплетен с более широкими культурными движениями, историческими контекстами и социально-политическими течениями. По своей сути он

выходит за временные и пространственные границы, служа мостом между прошлыми традициями и будущими инновациями. Культурные явления по-разному выражаются в языке, а сам он служит средством, через которое индивид существует в социуме [64, с. 3]. Художественный стиль отражает калейдоскопическое разнообразие человеческого опыта, приглашая аудиторию соприкоснуться с красотой, сложностью и противоречиями окружающего мира. Под культурным контекстом обычно понимается знание, которое объединяет материальные достижения определенного этноса [62, с. 7].

Существуют нюансы, исторические контексты и междисциплинарные пересечения, которые определяют богатую палитру литературно-художественного стиля. Он включает в себя перечень лингвистических, структурных и тематических элементов, которые объединяются, формируя опыт читателя и интерпретацию текста. В области литературы стиль служит средством передачи смысла, эмоций и экзистенциальных запросов.

Интертекстуальность и интенциональность. Писатели опираются на литературные традиции, культурную мифологию и интертекстуальные отсылки, чтобы обогатить свои истории слоями смысла и аллюзий. Намеренный выбор языка, образов и структуры повествования приглашает читателей вступить в диалог с текстом, распознавая отголоски литературного наследия и исследуя новые горизонты интерпретации.

Жанровые условности. Писатели ориентируются на устоявшиеся шаблоны, раздвигая границы формы, содержания и тематических исследований. От экзистенциальной тоски абсурдистской литературы до спекулятивных перспектив научной фантастики жанр становится подвижной основой для экспериментов, подрывной деятельности и культурной критики.

Жанр отличается от стиля, он больше указывает на форму произведения, а стиль больше связан со словесным наполнением текста [17, с. 27].

Временные и пространственные измерения. Литературно-художественный стиль выходит за пределы привычного нам хронотопа, позволяя читателям путешествовать по ландшафтам памяти, воображения и

исторического сознания. С помощью вызывающих воспоминания описаний, временных сдвигов авторы освещают взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, приглашая читателей задуматься о текучести времени и непреходящем резонансе человеческого опыта. Образы и поведение персонажей тесно связаны с пространством, в котором они находятся. Если изменяется пространство, изменяется и поведение героев [35, с. 264].

Данный стиль имеет способность преодолевать языковые и визуальные границы, побуждая аудиторию соприкоснуться с универсальными темами, человеческими эмоциями и экзистенциальными запросами, которые оживляют творческое воображение.

Он воплощает преобразующую силу творчества, налаживая связи, способствуя сопереживанию.

Служит линзой, через которую человек воспринимает и интерпретирует мир, стиль отражает богатство и сложность человеческого опыта.

Перевод художественных текстов имеет свои особенности. Но прежде важно понимать, что сам перевод из себя представляет и в чем заключается его цель.

Американский теоретик Лоуренс Венути, например, определяет перевод как «процесс, посредством которого цепочка означающих, составляющая текст на языке источника, заменяется цепочкой означающих на языке перевода, которую переводчик предоставляет на основе интерпретации» [69, р. 17].

По мнению Л. Венути целью перевода является «вернуть культуру другого человека такой, какая она есть, узнаваемой и даже знакомой; и эта цель всегда сопряжена с риском полного одомашнивания иностранного текста, часто в проектах с высоким уровнем самосознания, где перевод служит заимствованию иностранных культур для решения внутренних задач, культурных, экономических и политических» [69, р. 18]. По словам Венути, жизнеспособность перевода определяется его связью с культурными и социальными условиями, в которых создается и читается перевод. Он считает,

что иностранный текст является вместилищем множества различных семантических возможностей, которые фиксируются, лишь временно в любом отдельном переводе на основе различных культурных допущений и вариантов интерпретации в конкретных социальных ситуациях и в течение различных исторических периодов.

Хосе Ламберт, профессор сравнительного литературоведения, утверждает, что «опубликованный перевод является плодом значительных творческих усилий переводчика, который является ключевым агентом в субъективной деятельности и социальной практике перевода». Профессор отмечает, что какими бы ни были ограничения, накладываемые сетью социальных и культурных факторов, на самом деле именно литературный переводчик принимает тысячи решений и обеспечивает существование художественного перевода [65, р. 130].

Клиффорд Ландерс, американский переводчик, также добавляет, что «художественный перевод влечет за собой бесконечный выбор». Переводчик должен сделать выбор, и из последовательности таких выборов возникает перевод [66, р. 10].

К. Ландерс, изучая проблемы перевода, утверждает, что проблемы перевода не похожи на математические задачи, в которых есть только один ответ или строго ограниченное количество правильных ответов. Он приходит к выводу, что перевод субъективен по своей сути.

Перевод для удовольствия или в качестве интеллектуального упражнения – это хорошо, но преданный своему делу переводчик стремится поделиться конечным результатом с читателями ПЯ, для которых произведение в противном случае навсегда осталось бы недоступным [66, р. 9].

Питер Ньюмарк верит в тщательный перевод хорошо написанного литературного текста. Исследователь пишет, что литературному языку необходимо оставаться эстетически привлекательным в переводе и должно существовать постоянное напряжение между информативной и эстетической

функциями языка. Чем морально и эстетически серьезнее текст, тем точнее перевод должен отражать мысль, стиль, акценты и, насколько это возможно, особенно в поэзии, ритм и звучание оригинала [67, p. 201]. Он утверждает: «Особое внимание следует уделять выявлению коннотации многозначных слов и выражений и сохранению повторяющихся слов, которые часто являются ключевыми словами. Иногда возникает необходимость адаптации культурных метафор и преобразования вымышленных имен собственных таким образом, чтобы их значение было переведено, а морфология ИЯ сохранена» [68, p. 103].

То, что в переводоведении небрежно называют литературным переводом, как указывает Хоссе Ламберт, «возлагает на ученых обязанность определить условия, при которых происходит этот тип события, а также исследовать условия, при которых оно не происходит».

Исследователь признает, что «перевод может быть представлен явно как перевод, и в этом случае он виден, или он может быть замаскирован под оригинал, что объясняет, почему большинство читателей остаются в неведении об иностранном происхождении некоторых художественных текстов» [65, p. 130].

Х. Ламберт утверждает, что, поскольку художественный перевод – это, как правило, целенаправленная деятельность, направленная на удовлетворение потребностей читателей, «анализ этих потребностей и стратегий, используемых для их удовлетворения, может помочь нам объяснить динамику литературных отношений и традиций, и, следовательно, художественного перевода». Он также утверждает необходимость учета влияния переведенной литературы на формирование динамики дискурса, коммуникации и культуры. Он пишет, что потребность в серьезном описательном исследовании в этой области невозможно переоценить.

Любая переводческая деятельность и любое высказывание о переводе является частью данных, которые могут быть использованы для разработки «профиля данной переводческой среды и определения положения, которое

занимает художественный перевод на культурных картах мира». В этом отношении автор признает, что высказывания переводчиков и их критиков или читателей интересны не столько сами по себе, сколько как объекты исследования.

Х. Ламберт отмечает, что «большинство культур имеют лишь ограниченную традицию переводческой критики и теории, но в целом в их имплицитном дискурсе о переводе присутствует очевидная систематичность». Он указывает на то, что вся сеть взаимоотношений между переведенными текстами, переводчиками, их критиками и читателями становится более понятной «когда рассматривается как сложная традиция или система». Он пишет: «Таким образом, в рамках этой функциональной исследовательской парадигмы предполагается, что вся переводческая деятельность (независимо от того, включает ли она создание, использование или комментирование переводов) управляется и формируется такими вещами, как нормы, шкалы ценностей и модели, которые преобладают в данном обществе в данный момент времени. Таким образом, изучение художественного перевода состоит из изучения переводческих норм, моделей и традиций» [65, p.132].

Если рассматривать литературу как продукт доминирующей идеологии, становится очевидно, что знаковые системы не могут восприниматься так, как их понимают все, поскольку язык динамичен и склонен довольно быстро меняться. Действительно, период и культура того времени оказывают прямое влияние на язык, любое литературное произведение

Сьюзен Басснетт утверждает: «Такие элементы, как эпоха и культурные особенности, могут быть упущены, если при чтении не в полной мере учитывается общая структура произведения и ее связь со временем и местом его создания» [61, p. 79].

Поэтому можно сказать, что художественный перевод – это перевод, который включает в себя перенос творческих произведений, таких как романы, рассказы, поэзия, пьесы и эссе, с одного языка на другой с сохранением стиля, тона и культурных нюансов оригинального текста. Это

требует не только владения языком, но и глубокого понимания культурного контекста, и литературных условностей как ИЯ, так и ПЯ [70, с. 215].

В. Н. Комиссаров даёт краткое определение. Он утверждает, что художественный перевод представляет из себя перевод произведений художественной литературы [31, с.75].

И.С. Алексеева под переводом понимает (осуществляемую переводчиком) деятельность, которая перекодирует текст [5, с. 16]

Согласно определению Н. К. Гарбовского, перевод представляет собой социальную функцию коммуникативного посредничества, которая осуществляется в рамках психофизической деятельности билингва [19, с. 214].

Из всего вышесказанного можно выделить несколько ключевых моментов, касающихся художественного перевода:

1. Культурный контекст. Переводчики художественной литературы должны быть чувствительны к культурным нюансам, историческим ссылкам, идиоматическим выражениям и литературным традициям, присутствующим в исходном тексте. Переводчикам часто приходится принимать сложные решения, чтобы гарантировать сохранение сути и воздействия оригинального произведения в переводе [58, с. 75].

2. Роль переводчика. Переводчики выступают в качестве посредников между автором и целевой аудиторией, стремясь передать намерения автора и художественное видение, делая текст доступным и увлекательным для читателей на ПЯ [51, с. 246].

3. Задачи. Художественный перевод сопряжен с многочисленными трудностями, включая неперевоаемость определенных слов или понятий, сохранение ритма в поэзии, передачу уникального голоса и стиля автора и поиск эквивалентных культурных отсылок, которые находят отклик у людей [29, с. 532].

4. Творческий процесс. Хотя художественный перевод требует верности оригинальному тексту, он также допускает определенную степень креативности и интерпретации со стороны переводчиков. Они часто

сталкиваются с дилеммой, как сбалансировать верность источнику с необходимостью обеспечения удобочитаемости и естественности перевода [54, с. 303].

5. Признание. Несмотря на важность художественного перевода для содействия межкультурного понимания и высокой оценке мировой литературы, он часто упускается из виду по сравнению с другими разновидностями перевода. Однако переводчики играют решающую роль в донесении различных мнений и точек зрения до глобальной аудитории. Даже при неполном совпадении концептуальных систем (автора, переводчика, читателя) возможна эффективная межкультурная коммуникация [23, с.97].

Художественный перевод – это не просто механический процесс перевода слов с одного языка на другой; это вид искусства, который предполагает тщательную интерпретацию, культурную адаптацию и творческое самовыражение. Вот некоторые дополнительные аспекты, которые следует учитывать:

Стиль автора. Одна из самых сложных задач для литературных переводчиков – передать уникальный стиль автора [38, с. 141]. Она включает в себя выбор автором языка, ритма, интонации и приемов повествования. Переводчики должны найти эквивалентные выражения и лингвистические приемы на ПЯ, чтобы передать предполагаемое воздействие автора на читателя.

Культурная чувствительность. Эффективный художественный перевод требует глубокого понимания контекста, в котором было написано оригинальное произведение. Переводчики должны быть настроены на социальные, исторические и политические отсылки, введённые в текст, а также на некоторые нюансы, которые могут не иметь прямых эквивалентов в ПЯ. Они часто выступают в роли посредников, знакомя читателей с незнакомыми обычаями, традициями и перспективами.

Роль переводчика. Переводчикам часто приходится балансировать на тонкой грани между верностью оригинальному тексту и творческой

интерпретацией. Они должны принимать стратегические решения о выборе слов, структуре предложения и стилистических условностях, чтобы гарантировать, что перевод остается верным замыслу автора и в то же время находит отклик у читателей. Этот процесс требует равновесия лингвистической точности и художественной интуиции. Сохранение специфики оригинала – важная задача [39, с. 12].

Влияние и наследие. Художественный перевод играет решающую роль в развитии межкультурного диалога в содействии сопереживанию и пониманию через языковые и географические границы. Переведенные произведения способны преодолевать границы, обогащая литературный ландшафт как исходной, так и целевой культур. Многие литературные классики получили международное признание благодаря переводам, формируя коллективное воображение и оставляя неизгладимое наследие для грядущих поколений.

По сути, художественный перевод – это динамичное и многогранное занятие, требующее навыков, креативности и культурного сопереживания. Преодолевая языковые барьеры и способствуя значимым обменам между культурами, переводчики вносят свой вклад в богатство и разнообразие мировой литературы, обеспечивая доступность великих произведений искусства читателям по всему миру.

В заключение можно отметить, что художественный перевод – это сложное и тонкое занятие, требующее лингвистических навыков, понимания культуры и творческой чуткости. Он служит мостом между культурами, позволяя читателям познакомиться с богатством литературы со всего мира.

1.2. Синтаксический статус обращения

Прямое обращение, также известное как вокативная конструкция, предполагает прямое обращение к собеседнику по имени, титулу или другому идентифицирующему термину в рамках дискурса. С точки зрения синтаксиса, прямое обращение часто прерывает ход предложения и может быть отмечено знаками препинания, такими как запятые, тире или круглые скобки. Например:

"Саша, передай, пожалуйста, соль?"

"Извините, мадам, у вас найдется минутка?"

"Мам, я дома!"

В этих примерах к собеседнику обращаются напрямую, используя его имя или термин, обозначающий знакомство или уважение. Синтаксическая структура предложения изменена с учетом элемента звательного падежа, который может появляться в начале, середине или конце предложения в зависимости от контекста разговора. В каждом из случаев говорящий использует различные типы обращений [16, с. 618].

Косвенное обращение относится к ситуациям, когда говорящий обращается к собеседнику, не называя его напрямую по имени или не используя явные вокативные маркеры. Вместо этого косвенное обращение опирается на контекстуальные подсказки, местоимения или другие лингвистические приемы для указания предполагаемого получателя сообщения. Например:

"Не могли бы вы передать соль?"

"У вас найдется минутка?"

"Я дома!"

В этих примерах к собеседнику имплицитно обращаются с помощью местоимений типа *вы* или при отсутствии явного наименования. Синтаксическая структура предложения остается неизменной, без прерываний, вызванных прямыми вокативами. Однако подразумеваемый адресат по-прежнему очевиден в дискурсе, определяя интерпретацию и реакцию слушателя.

Синтаксический анализ обращения к собеседнику пересекается с более широкими теориями дискурсивной прагматики, которые исследуют, как язык используется в контексте для достижения коммуникативных целей и передачи социального смысла. Стратегии прямого и непрямого обращения играют решающую роль в управлении динамикой разговора, выражении вежливости

или авторитета и ведении переговоров о межличностных отношениях. К примеру, большое значение здесь могут пунктуационные знаки [60, с. 6]

Кроме того, стратегии адресации способствуют реализации речевых актов, таких как просьбы, команды и предложения, формулируя взаимодействие и сигнализируя о намерениях говорящего [47, с. 141-142]. Объединяя синтаксический анализ с прагматическими соображениями, ученые получают представление о сложном взаимодействии между языковой формой и коммуникативной функцией в рамках дискурса.

В целом, синтаксический статус обращения к собеседнику в тексте отражает динамичный характер использования языка и межличностного общения, подчеркивая сложную взаимосвязь между синтаксисом, прагматикой и социокультурным контекстом.

Стратегии прямого и непрямого обращения имеют значительные прагматические последствия для межличностного общения. Прямое обращение, характеризующееся своей эксплицитностью и непосредственностью, часто выполняет социальные функции, выходящие за рамки простой передачи информации. Оно может передавать интимность, уважение, властность или фамильярность в зависимости от контекста и отношений между собеседниками. Например, использование чьего-либо имени или звания в прямом обращении может свидетельствовать об уважении или формальности, в то время как неформальные ласковые выражения могут передавать близость и привязанность. И наоборот, отсутствие маркеров прямого обращения может сигнализировать о более нейтральных или отдаленных отношениях между говорящими.

Косвенное обращение, с другой стороны, обеспечивает более детальную коммуникацию за счет использования контекстуальных подсказок и скрытого смысла. Его можно использовать для смягчения стратегий вежливости, смягчения запросов или выражения почтения, не прибегая к явным признакам уважения или авторитета. Косвенная адресация также позволяет говорящим

поддерживать поток разговора и избегать потенциальных сбоя, вызванных явными вокативами.

Понимание прагматических последствий стратегий адресации важно для интерпретации социальной динамики, властных отношений и коммуникативных намерений в рамках дискурса. Это подчеркивает роль языка в формировании межличностных взаимодействий в согласовании социальной идентичности и иерархии.

Правила обращения к текстам сильно различаются в разных языках, отражая культурные нормы, языковые структуры и исторические традиции. Например, в некоторых языках (японском) есть особые почетные знаки или местоимения, предназначенные для выражения уважения или почтительности, в то время как другие полагаются на контекстуальные подсказки или тонкие лингвистические маркеры [7, с.62].

Языки демонстрируют различные синтаксические структуры и соглашения об обращении, отражающие уникальные культурные ценности и исторические события. К примеру, в некоторых языках присутствуют сложные системы почетных обращений и терминов родства, которые кодируют иерархические отношения и социальный статус. Например, в японском языке использование почтительных префиксов и суффиксов передает уважение и вежливость при обращении к другим [41, с. 29-30]. Аналогичным образом корейский язык использует почтительные формы глаголов и уровни речи для обозначения социальной иерархии и почтения [41, с. 31-32]. Напротив, такие языки, как английский, больше полагаются на прагматический контекст и интонацию для передачи межличностных значений, причем прямое обращение часто достигается за счет использования имен, титулов или местоимений [73, с. 18-19].

Кроме того, стратегии обращения могут отличаться в зависимости от жанра или регистра текста. При академическом письме в официальных документах т. е. в формальном дискурсе, часто используются более стандартизированные формы обращения для поддержания профессионализма

и ясности [57, с. 148]. В противоположность такому дискурсу, неформальное общение, такое как непринужденная беседа или личная переписка, может обеспечить большую гибкость и творческий подход к соблюдению условностей.

Изучение синтаксических вариаций в адресации на разных языках и типах текстов дает ценную информацию о культурной и коммуникативной динамике, формирующей использование языка. Это подчеркивает разнообразие языковых выражений и сложное взаимодействие между синтаксисом, семантикой и социокультурным контекстом в формировании моделей дискурса и коммуникативных норм.

Изучая, как стратегии адресации эволюционируют и адаптируются в различных языковых сообществах и коммуникативных контекстах, исследователи получают более глубокое понимание сложной взаимосвязи между языковой структурой, социальным взаимодействием и культурной идентичностью.

Важно отметить, что синтаксический статус обращения к собеседнику в тексте – многогранное явление, которое пересекается с более широкими вопросами прагматики, социолингвистики и дискурс-анализа. Исследуя синтаксические и прагматические аспекты стратегий адресации, ученые разгадывают сложности использования языка и межличностного общения, проливают свет на фундаментальные механизмы, которые лежат в основе человеческого взаимодействия и самовыражения.

Помимо синтаксических структур, выбор обращения также отражает культурные нормы, динамику власти и социальные иерархии внутри данного языкового сообщества [9, с. 365]. В некоторых культурах использование официальных титулов и почетных званий означает уважение и почтительность, в то время как в других ценятся фамильярность и неформальность. Более того, контекст, в котором происходит обращение, может существенно повлиять на его прагматическую интерпретацию. Например, в профессиональной среде можно ожидать, что прямое обращение

с официальными титулами будет поддерживать профессионализм и иерархию. Напротив, в неформальной обстановке, допустим, в кругу друзей или семьи, прямое обращение может включать ласкательные слова или прозвища.

Понимание прагматических нюансов обращения помогает прояснить лежащую в основе социальную динамику и властные структуры, заложенные в использовании языка. Это показывает, как носители языка ориентируются в социальных отношениях и передают межличностные значения посредством языкового выбора, способствуя эффективной коммуникации и социальной сплоченности.

Синтаксические формы и прагматические функции адресации эволюционировали с течением времени, отражая изменения в социальных нормах, языковых конвенциях и коммуникативных практиках. Исторические тексты дают ценную информацию о развитии конвенций адресации и их значении в различных культурных и языковых контекстах. Например, средневековая литература часто использует сложные формы обращения, чтобы передать иерархические отношения и социальный статус [42, с.123]. Использование почетных обращений, почтительных местоимений и официальных титулов подчеркивает стратифицированный характер средневекового общества и важность социального этикета в межличностном общении. Аналогичным образом появление современных языков и демократизация грамотности изменили нормы обращения, что привело к большей лингвистической гибкости и неформальности в повседневном дискурсе. По мере того как общества становятся более эгалитарными, отношение к конвенциям смещается в сторону большей инклюзивности и эгалитаризма, с меньшим акцентом на формальные титулы и иерархические различия.

Синтаксический статус адресации значительно варьируется в разных культурных и языковых контекстах, отражая различные ценности, нормы и коммуникативные стили. Сравнительные исследования конвенций адресации проливают свет на культурную специфику языковых практик и способы, с

помощью которых язык отражает и формирует социальную идентичность. Например, в коллективистских культурах, таких как культуры Восточной Азии, обращение часто подчеркивает групповую гармонию и социальную сплоченность. Стратегии вежливости могут включать косвенные формы обращения и почтительный язык для поддержания межличностной гармонии и избежания конфронтации. Напротив, индивидуалистические культуры, такие как те, что распространены в западных обществах, отдают приоритет индивидуальной автономии и прямому общению. Обращение к нормам может быть менее формальным, с бóльшим акцентом на личную свободу действий и самоутверждение в межличностных взаимодействиях [63, p. 201].

Изучая межкультурные аспекты адресации, исследователи получают важную информацию о культурных ценностях и коммуникативных нормах, лежащих в основе языкового поведения. Такие знания способствуют межкультурному пониманию и чувствительности, содействуя эффективному общению и сотрудничеству в различных культурных контекстах.

Появление цифровых коммуникационных технологий произвело революцию в способах обращения людей друг к другу. Она коснулась и письменной, и устной речи. Платформы социальных сетей, приложения для обмена сообщениями и онлайн-форумы ввели новые способы обращения и взаимодействия, стирая границы между формальным и неформальным общением.

В цифровой среде правила обращения могут варьироваться в зависимости от платформы, аудитории и коммуникативных целей. Неформальные способы обращения, такие как эмодзи, мемы, обычно используются для передачи тона, эмоций и социальной идентичности в онлайн-общении.

Более того, цифровая коммуникация способствовала появлению новых форм обращения, таких как хэштеги, имена пользователей и аватары, которые служат виртуальными репрезентациями индивидуальной идентичности и принадлежности к сообществу. Понимание синтаксических и прагматических

аспектов адресации в цифровой коммуникации необходимо для того, чтобы ориентироваться в сложностях онлайн-взаимодействия и выстраивать значимые отношения в виртуальных пространствах.

Необходимо отметить, что изучение синтаксического статуса обращения к собеседнику в тексте охватывает исторические, кросскультурные и технологические аспекты, которые проливают свет на динамичную природу языка и коммуникации. Изучая обращение к конвенциям в различных контекстах и модальностях, лингвисты углубляют свое понимание того, каким образом язык формирует социальное взаимодействие, конструирование идентичности и культурное самовыражение в различных человеческих обществах.

Синтаксический статус обращения к собеседнику играет значительную роль в литературном анализе и интерпретации. В литературе авторы часто используют приемы адресации, чтобы передать взаимоотношения персонажей, динамику власти и тематические элементы повествования. Например, в драмах Шекспира использование формального и неформального обращения отражает социальную иерархию и взаимоотношения персонажей. Выбор обращения может подчеркнуть темы власти, бунта, любви или предательства, сформировать понимание читателем персонажей и их мотиваций. Более того, стратегии обращения могут варьироваться в зависимости от литературных жанров и культурных традиций, предоставлять богатый материал для сравнительного анализа и интерпретации. Изучая литературные условности обращения, ученые получают представление о том, каким образом язык отражает и преломляет социальную реальность, что позволяет глубже взаимодействовать с текстом и его более широким культурным контекстом.

Стратегии адресации также занимают центральное место в политическом дискурсе, где язык используется для утверждения власти, мобилизации поддержки и формирования общественного мнения. Лидеры партий часто используют риторические приемы и приемы обращения к

аудитории, чтобы установить взаимопонимание со своей аудиторией, вызвать эмоциональную реакцию и продвигать свои программы.

В выступлениях политиков прямое обращение может быть мощным инструментом установления связей с аудиторией и передачи искренности и сопереживания. Лидеры могут использовать инклюзивный язык и личные местоимения для создания чувства единства и солидарности, способствуя ощущению коллективной идентичности и общей цели. [75, с. 21]. И наоборот, обращение также может использоваться стратегически, чтобы дистанцироваться от определенных групп или отдельных лиц, усиливая социальные разделения и иерархии. Выбор обращения может сигнализировать о лояльности, принадлежности или оппозиции, формируя восприятие легитимности и авторитета в политической сфере.

Анализируя синтаксический статус обращения в политическом дискурсе, исследователи получают представление о риторических стратегиях и коммуникативных тактиках, используемых политическими деятелями для формирования общественного мнения и влияния на процессы принятия решений.

В повседневной беседе обращение выполняет множество межличностных функций, начиная с установления взаимопонимания и выражения интимности и заканчивая утверждением авторитета и управлением социальной динамикой. Синтаксический статус обращения варьируется в зависимости от контекста, отношений между собеседниками и коммуникативных целей. Например, в непринужденной беседе среди друзей прямое обращение может включать знакомые ласкательные слова, прозвища или неофициальные местоимения. Такие стратегии обращения создают чувство товарищества и близости, способствуя созданию непринужденной и комфортной атмосферы для взаимодействия. Напротив, в формальной обстановке, такой как деловые встречи или академические лекции, обращение обычно более структурировано и уважительно, с явным использованием титулов, почетных званий и официального языка [55, с. 17]. Синтаксический

статус обращения отражает профессиональные нормы и этикет, сигнализирует о профессионализме, компетентности и взаимном уважении между участниками.

Понимание нюансов обращения в повседневной беседе дает ценную информацию о динамике социального взаимодействия и межличностной коммуникации. Изучая синтаксический статус обращения в различных лингвистических контекстах, исследователи способствуют нашему пониманию использования языка как динамичного и многогранного явления, которое формирует и отражает социальную реальность.

При исследовании синтаксических вариаций в адресации в разных языках и типах текстов лингвисты получают представление о динамическом взаимодействии между языковой формой, культурным контекстом и коммуникативным намерением. Это подчеркивает богатство и сложность человеческого языка как средства выражения разнообразного социального, эмоционального и когнитивного опыта.

Таким образом, синтаксический статус обращения к собеседнику охватывает широкий спектр контекстов и применений, от литературного анализа и политического дискурса до повседневного разговора и межличностного общения. Исследуя стратегии обращения к различным областям, ученые углубляют свое понимание того, каким образом язык функционирует в виде средства выражения идентичности, согласования социальных отношений и формирования коллективного смысла в человеческом взаимодействии.

В заключение скажем, что изучение синтаксического статуса обращения к собеседнику в речи раскрывает сложную взаимосвязь между синтаксисом, прагматикой и социокультурным контекстом.

1.3. Приемы выразительности, основанные на обращении

Выразительные техники играют ключевую роль в общении, позволяя ораторам эффективно взаимодействовать с аудиторией. Прямое обращение к собеседнику усиливает коммуникативное воздействие, способствуя установлению связи и пониманию.

Прямое обращение. Непосредственное обращение к собеседнику на *вы* или *ваши* создает личную связь, вовлекая аудиторию в беседу. Например, вопросы вроде *Испытывали ли вы когда-нибудь...* немедленно вовлекает слушателя, вызывая интерес и сопереживание.

Риторические вопросы. Опрос собеседника стимулирует мышление и поощряет активное участие. Вопросы типа *Можете ли вы представить себе мир, в котором...* провоцируют на размышления, заставляя аудиторию задуматься над сообщением оратора. Также такие вопросы задаются с целью привлечения внимания и повышения эмоционального тона [8, с. 117].

Инклюзивный язык. Использование инклюзивных местоимений, таких как *мы*, объединяет оратора и аудиторию, воспитывает чувство общего опыта и ответственности. Реплики по типу *Вместе мы сможем преодолеть...* прививают дух сотрудничества, вдохновляя на коллективные действия.

Сочувственные высказывания. Признание эмоций или точки зрения собеседника демонстрирует сопереживание и понимание. Утверждение вроде *Я понимаю, что вы могли бы чувствовать...* подтверждает опыт слушателя, укрепляя доверие и восприимчивость.

Призыв к действию. Прямое побуждение собеседника к конкретным действиям стимулирует приверженность коллективу. Обращение типа *Присоединяйтесь к нам в нашей миссии по...* расширяет возможности аудитории, побуждая ее активно участвовать в деле оратора.

Рефлексивное слушание. Отражение чувств или высказываний собеседника доказывает его вклад и способствует взаимопониманию. Слова вроде *Итак, то, что вы говорите, это...* подтверждают точку зрения слушателя, поощряя открытый диалог и взаимопонимание.

Признание обратной связи. Прямой ответ на вопросы собеседника демонстрирует внимательность и уважение. Реплики типа *Спасибо, что поделились своими мыслями...* отражают признание вклада слушателя, способствующее совместному обмену идеями.

Повторение для придания особого значения. Повторение ключевых моментов при обращении к собеседнику усиливает понимание и удержание интереса слушателей. Утверждения вроде *Как я упоминал ранее, ваша роль в этом процессе имеет решающее значение...* подчеркивают значимость слушателя.

Эффективная коммуникация опирается на различные выразительные техники, среди которых прямое взаимодействие с собеседником выделяется как мощный инструмент. Здесь мы углубляемся в нюансы обращения к собеседнику.

Персонализация. Адаптация сообщений к интересам, опыту или характеристикам собеседника способствует ощущению значимости и резонанса. Реплика типа *Учитывая ваше прошлое в...* признает уникальную точку зрения слушателя, повышая связность и воздействие сообщения.

Рассказывание историй. Переплетение повествований, в которых непосредственно участвует собеседник, привлекает внимание и наполняет сообщения эмоциональной глубиной. Слова вроде *Представьте, что вы находитесь в ситуации, когда...* переносят слушателя в повествование, вызывая сопереживание и понимание.

Сигналы активного слушания. Использование вербальных и невербальных сигналов, сигнализирующих об активном слушании, усиливает у собеседника ощущение того, что он услышан и понят. Кивки, поддержание зрительного контакта и междометные утверждения, такие как *Я вижу* или *Продолжайте*, демонстрируют внимательность и восприимчивость, способствуют открытому диалогу.

Язык расширения прав и возможностей. Использование языка, который наделяет собеседника полномочиями, вселяет уверенность и мотивирует к

действию. Выражения, построенные по принципу *У вас есть возможность изменить ситуацию...* поощряют инициативу и самоэффективность, вдохновляют слушателя использовать их потенциальное влияние.

Интерактивные подсказки. Побуждение собеседника к активному участию в разговоре с помощью подсказок или приглашений способствует динамичному дискурсу. Реплики типа *Что вы думаете по поводу...* приглашают к участию и предлагают различные точки зрения, обогащают диалог.

Благодарность и признание. Выражение признательности за потраченное время, вклад в беседу признает роль собеседника в обмене мнениями и развивает доброжелательность. Слова вроде *Спасибо, что поделились своими соображениями...* утверждают вклад слушателя, создают атмосферу признательности и уважения к сотрудничеству.

Прямое обращение к собеседнику не только подтверждает его присутствие, но и приглашает его к совместному диалогу, в котором процветают взаимное уважение и сопереживание

В сфере эффективного общения овладение искусством вовлечения собеседника предполагает тонкий подход, выходящий за рамки простых слов.

Активное вовлечение. Побуждение собеседника к активному участию с помощью интерактивных элементов, таких как опросы, сессии вопросов и ответов или механизмы обратной связи в режиме реального времени, превращает общение в динамичный опыт совместной работы. Использование технологий или интерактивных платформ усиливает вовлечение и облегчает значимое взаимодействие.

Эмпатическая рефлексия. Выходя за рамки поверхностного признания, рефлексивные высказывания, которые углубляются в глубинные эмоции и мотивации собеседника, передают подлинное сопереживание и понимание. Реплики типа *Похоже, что вы чувствуете...* подтверждают сложность эмоций, способствуют более глубокой связи и эмоциональному резонансу.

Индивидуальные каналы коммуникации. Адаптация к предпочтительным каналам коммуникации собеседника, будь то личные беседы, виртуальные встречи, электронная почта или платформы социальных сетей, демонстрирует гибкость и уважение к индивидуальным предпочтениям, оптимизирует вовлеченность и восприимчивость.

Юмор и остроумие. Правильное включение шутки и смекалки в общение поднимает настроение, привлекает внимание и развивает чувство товарищества, демонстрирует подлинность и родственность персонажей, создавая незабываемые впечатления и налаживая более глубокие связи между собеседниками.

Визуальные и мультисенсорные элементы. Интеграция наглядных пособий, мультимедийных презентаций или тактильного реквизита в театре улучшает понимание и запоминание, привлекая различные стили обучения и сенсорные модальности. Использование визуальных метафор или интерактивных демонстраций стимулирует любопытство и обогащает опыт общения.

Непрерывный цикл обратной связи. Создание непрерывного цикла обратной связи, который запрашивает информацию, оценивает понимание и адаптирует сообщения в режиме реального времени, гарантирует, что общение остается актуальным и реагирует на меняющиеся потребности и предпочтения собеседника. Применение обратной связи как катализатора роста и совершенствования способствует доверию и прозрачности в межличностных отношениях.

Использование выразительных приемов, обращенных к собеседнику, обогащает коммуникацию, налаживая значимые связи и повышая вовлеченность аудитории. Признавая присутствие слушателя и его точку зрения, ораторы развивают взаимопонимание, стимулируют диалог.

Обращение в стилистике имеет большое значение, поскольку оно формирует тон, устанавливает отношения между персонажами или

говорящими и передает социальные нюансы. Вот несколько ключевых моментов, касающихся значимости обращения:

Установление тона. Выбор обращения, будь то формального или неформального, может задать тон разговору или письменному произведению. Официальные обращения, такие как *сэр* или *мадам*, выражают уважение и дистанцию, в то время как неофициальные обращения, такие как кличка, предполагают фамильярность и интимность.

Отражение социальной динамики. То, как персонажи обращаются друг к другу, отражает их социальный статус, динамику власти и культурные нормы. Например, использование таких титулов, как *Ваше величество* или *Ваша светлость*, обозначает иерархию и уважение.

Развитие персонажа. Обращение героев может раскрыть их личность, взаимоотношения и эмоции. Постоянные или меняющиеся способы обращения могут означать рост персонажа, конфликты или изменения в отношениях на протяжении всего повествования.

Культурный контекст. В разных культурах существуют уникальные правила обращения к другим, которые могут иметь глубокое культурное значение. Писатели часто используют эти правила, чтобы обогатить свое изображение различных персонажей и обстановки.

Создание атмосферы. Обращение может способствовать созданию общей атмосферы произведения. Например, официальные обращения могут вызвать ощущение традиции и церемонии, в то время как неофициальные обращения могут создать непринужденную атмосферу.

Голос повествователя. Выбор рассказчика также может сформировать голос повествователя и повлиять на то, как читатели воспринимают историю и ее персонажей. Рассказчик, использующий формальный язык, может казаться отстраненным, в то время как тот, кто использует разговорную речь, может казаться более близким.

Динамика власти. Обращение может быть проявлением динамики власти в отношениях или социальной структуре. Например, в иерархических

условиях, таких как рабочие места или военная среда, использование официальных титулов и почетных званий подчеркивает авторитет и уважение, укрепляя установленный порядок.

Подтекст и подразумеваемые значения. Часто выбор адреса может содержать тонкий подтекст и подразумеваемые значения, добавляя уровни сложности диалогу и взаимодействиям. Кажущееся безобидным изменение обращения, например, переход с имени на фамилию, может сигнализировать об изменении отношения, эмоций или намерений.

Эмоциональная напряженность. В моменты обострения эмоций персонажи могут возвращаться к формальным обращениям в качестве формы эмоционального дистанцирования или прибегать к неформальным, интимным выражениям.

Культурная идентичность. Адресация отражает социальные нормы, обеспечивает понимание ценностей, обычаев и традиций конкретной общины или общества.

Свобода воли и автономия персонажей. То, как персонажи обращаются друг к другу, может отражать их свободу воли и автономию в рамках повествования. Персонажи могут отстаивать свою независимость, отвергая традиционные формы обращения, или бросать вызов социальным нормам, используя нетрадиционные способы обращения.

Символизм и аллегория. Обращение может служить символом или аллегорией, представляющей более масштабные темы и конфликты в рамках истории. Например, использование безличных, официальных обращений в антиутопической литературе может символизировать репрессивные режимы и бесчеловечные системы контроля.

Вовлечение читателя и интерпретация. Обращение побуждает читателей расшифровывать нюансы социальных взаимодействий и отношений, заложенных в тексте. Читатели могут получить представление о мотивах, намерениях и скрытых эмоциях персонажей благодаря выбору обращения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Таким образом, адресация в стилистическом письме действует на нескольких уровнях, формируя динамику персонажей, траектории повествования и тематические исследования.

2. Благодаря стратегическому использованию адресации писатели создают богатые миры.

3. По сути, стилистическая адресация – это тонкий, но мощный инструмент, который писатели используют для придания своей работе глубины, аутентичности и смысла, обогащая как персонажей, так и повествования.

ГЛАВА 2 АНАЛИЗ РОМАНА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ПРИВАЛОВСКИЕ МИЛЛИОНЫ»

2.1. Особенности выбранного для анализа произведения

Выбранное произведение – хронологически первое в так называемом «уральском цикле» романов [26, с. 1122], созданном до переезда писателя из Екатеринбурга в Петербург (1891). Вообще период 1880-х гг. отмечен у Мамина значительным числом произведений малых эпических форм: рассказов, очерков и т. д., – «являвшихся своеобразным "полем" жанровых поисков и экспериментов» [40, с. 29]. В поездках по Уралу писатель собирал материал, который затем публиковал именно «малыми жанрами» на страницах периодических изданий (см. [12, с. 55]). Эти небольшие тексты становились в свою очередь «заготовками» для будущих романов. Анализируемое произведение, однако, можно считать «романом романов», поскольку возникло оно на основе более ранних объемных произведений. В академической «Истории литературы Урала» отмечается: «Ни одно сочинение Мамина не имеет такого количества подготовительных материалов – рукописей-автографов, как "Приваловские миллионы". К ним относятся: завершённый роман "Семья Бахаревых" (1877–1878), начало другого романа – "Каменный пояс" в двух вариантах (1879–1880) и черновик повести "Сергей Привалов" (1880–1881)» [26, с. 1122]. Как видим, в иерархии произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» занимают вершинное место.

В 1959 г. (по другим данным, в 1950 или в 1958 г., поскольку на самом издании год не указан) «Приваловские миллионы» были переведены на английский язык В. Шнеерсоном и опубликованы в СССР [Mamin]. Это не первый опыт перевода маминских произведений: известна по крайней мере одна более ранняя английская версия «Аленушкиных сказок» 1922 г. (см. [45]). Несмотря на значительное количество опущений, текст 1950-х гг. остается и сегодня единственным доступным англоязычным вариантом романа. На отдельных сайтах (типа amazon.com и books.google.com) имеется информация об изданиях 2005 и 2014 гг., однако в аннотации всякий раз указывается на

“facsimile reprint of the original” либо на “a new release of the 1883 edition”. По-видимому, это переиздания шнеерсоновского перевода либо маминского оригинала. В свободном доступе какие бы то ни было другие переводы романа на английский язык отсутствуют.

Благодаря переводу Шнеерсона, за романом закрепилось англоязычное соответствие названия – “The Privalov Fortune”. Встречающееся в некоторых аннотациях “Privalov’s Millions” [43, с. 57] следует признать таким же буквализмом (вероятно, вследствие использования автоматических систем перевода), как, например, “The Catcher in the Rye” → «Ловец во ржи» [19, с. 18] вместо традиционного «Над пропастью во ржи», закрепившегося после перевода Р. Райт-Ковалевой.

2.2. Обращения в первой части романа

Начать следует с анализа обращений в первой главе романа. Сюжет главы таков: *горничная Матрешка* приносит хозяйке дома Заплатиных, Хионии Алексеевне, весть о приезде в уральский город Узел Сергея Привалова – молодого человека, миллионера, одного из центральных персонажей произведения. Хионию Алексеевну, выполняющую в узловском обществе функции свахи, это известие чрезвычайно взволновало, чего нельзя сказать о ее муже, *Викторе Николаиче*, по своей *наружности* (как мы увидим ниже, и по своему характеру) представляющем *полную противоположность жене*. Происходит небольшая ссора, где супруги не понимают друг друга и обмениваются взаимными колкостями. После этого Хиония Алексеевна уезжает к местным богачам Бахаревым, чтобы сообщить о приезде Привалова. Остальная часть главы посвящена описанию дома Заплатиных, из которого хозяйка пытается сделать *великосветский салон*, куда постоянно являются дамы за последними новостями, *как пчелы за цветочной пылью*. Салон, однако, обходят стороной *первые узловские богачи – Бахаревы, Ляховские и Половодовы*. Как следствие, Хиония Алексеевна в их дома ездит с новостями

сама и общается с обитателями хотя как будто и на равных, но всё же с известным подобострастием, глядя «снизу вверх».

Всего в первой главе нами обнаружено 9 обращений, если не считать спорных случаев. К спорным отнесем, во-первых, повторяемое несколько раз Хионией Алексеевной *господи*, квалифицируемое нами как междометие (хотя с исторической точки зрения это вокатив – обращение к Богу); во-вторых, характеризующие Виктора Николаича номинации *болван* и *дурак*, представляющие собой отдельные предложения (с нашей точки зрения, номинативные, разворачиваемые до целой конструкции *Ты болван/дурак* и потому обращения в строгом смысле не являющимися).

Фразой, содержащей обращение, открывается русский текст романа:

– *Приехал... барыня, приехал! – задыхавшимся голосом прошептала горничная Матрешка, вбегая в спальню Хионии Алексеевны Заплатиной. – Вчера ночью приехал... Остановился в «Золотом якор».*

Обратим внимание на пропуск подлежащего (пока неизвестно, кто же приехал). Помимо сказуемых (*приехал, остановился*) и второстепенных членов, в речи горничной встречается обращение *барыня*. Едва ли нужно указывать на его значимость, притом что один из главных членов не эксплицирован. В английском переводе, однако, обращение отсутствует, хотя подлежащее *he* эксплицировано в соответствии с грамматическими правилами английского языка:

Matryona, the chambermaid, darted into the bedroom, gasping, “He’s come, he’s come – last night! He’s at the ‘Golden Anchor’ ”.

Реакция Заплатиной не заставляет себя долго ждать:

– *Матрена, голубчик, беги сейчас же к Агриппине Филиппевне... – торопливо говорила Заплатина своей горничной. – Да постой... Скажи ей только одно еловое «приехал». Понимаешь?.. Да ради бога, скорее...*

В английском варианте романа оба обращения сохранены (рус. *голубчик* переводчик передал как *dear* – букв. ‘дорогая’):

“Matryona, dear, let Agrippina Veryovkina know at once,” Zaplatina said hastily to her chambermaid. “Wait! Say, ‘He’s here.’ Nothing more. Clear? Well, hurry – hurry, for heaven’s sake!”

Остается только гадать, почему в первом контексте *барыня* оказалось опущено переводчиком. Вероятно, это чисто русское обращение ни в одном из английских эквивалентов (*lady, landlady, mistress* и др.) не показалось В. Шнеерсону передающим наш национальный колорит.

Уже по трансформации *Агриппина Филипповна* → *Agrippina Veryovkina* видна склонность переводчика к опущению отчеств. В соответствии с этой стратегией передано и следующее обращение:

– Ах, господи... что же это такое?.. Да Виктор Николаич... Ах господи!.. – причитала Заплата, бестолково бросаясь из угла в угол.

“Oh, dear! Victor, I say! Good heavens!” Zaplatina groaned, bustling aimlessly about the room.

Отрывистость фраз, беспорядочность мыслей и среди всего этого обращение к мужу, *продолжающему читать свою газету самым равнодушным образом*, отражают контраст двух персонажей. Хиония Алексеевна суетится, заранее прикидывая, кому же из богатых невест может достаться Привалов, – Виктора Николаевича принесенное известие вообще нисколько не волнует. На обращение к нему он реагирует так:

– Чего тебе?..

– Да ведь ты слышал: при-е-хал...

– Что же из этого?

– Болван! Да ведь Привалов – миллионер, пойми ты это... Мил-ли-онер!..

Ах, господи, где же мой корсет... где мой корсет?

– Отстань, пожалуйста...

– Дурак!.. Ах, господи...

Как уже сказано выше, номинативные предложения *Болван!* и *Дурак!..* мы обращениями не считаем: их коммуникативная функция – характеристика мужа, а не привлечение его внимания (оба можно развернуть, соответственно,

так: *Ты болван!* и *Ты дурак!..*). В английском варианте романа, однако, первое переводится с добавлением *you*, что можно интерпретировать и как обращение:

“What’s the matter?”

“Didn’t you hear? He’s come!”

“What of it?”

“Why, you ass! Privalov – the millionaire! Understand? Mil-lionaire! Heavens, where’s my corset? Where’s my corset?” Khiona chanted.

“Leave me alone.”

“Idiot! Dear me!”

В продолжении пассажа, однако, обращение появляется, когда Хиония Алексеевна цитирует саму себя:

Ведь говорила я Агриппине Филипьевне, уже сколько раз говорила: «Mon ange, уж поверьте, что недаром приехал этот ваш братец...»

Если в первой главе это единственное обращение на французском (букв. означает «мой ангел»), то во второй, при общении героини с Бахаревыми, количество таких вкраплений возрастет почти до 1/3 всех обращений и до 1/2 обращений в речи Хионии Алексеевны. Уже в конце первой главы встречаем авторский комментарий: *В жизни Хионии Алексеевны французский язык был неисчерпаемым источником всевозможных комбинаций, а главное – благодаря ему Хиония Алексеевна пользовалась громкой репутацией очень серьезной, очень образованной и вообще передовой женщины.* Переводчик сохраняет эту речевую особенность героини:

I’ve said to Agrippina so many times, ‘Mon ange,’ I’ve said, ‘there’s something behind his coming’

Следующие три обращения приходятся на продолжающийся конфликтный диалог супругов Заплатиных. Хиония Алексеевна, продолжая искать корсет, не унимается:

– Ха-ха... Виктор Николаич, дерево ты такое, слышишь: Привалов приехал!

“Ha-ha, Victor, you blockhead, d’you hear? Privalov’s come!”

Об опущении отчеств персонажей переводчиком уже сказано выше, а вот перевод *дерево ты этакое* → *you blockhead* требует пояснений. Из исторической лексикологии английского языка известно, что «существительное *blockhead* (a fool, stupid person) является результатом метафорического переноса исходного значения «заготовка для головных уборов, париков» (ср. Russian *blockhead* – болван)» [52, с. 47]. Получается, что переводчик «сыграл» на синонимии рус. *дерево* – *болван* и одновременно на историческом родстве лексем *болван* и *болванка*. Отметим, что местоименное прилагательное *этакое* в английском тексте опущено.

Виктор Николаич, *топограф* узловской межевой канцелярии, в долгу не остается:

– *Да отвяжись ты от меня, ржавчина! «Приехал, приехал», – передразнивал он жену. – Нужно, так и приехал. Такой же человек, как и мы, грешные... Дайка мне миллион, да я...*

“Leave me alone, for heaven’s sake!” Victor Zaplatin growled, and, imitating his wife, added, “ ‘He’s come, he’s come!’ What of it? He needed to come. A poor mortal like all of us. If I had a million, I’d...”

Переводчик использует замену, которую можно считать нейтрализацией (стилистическим смягчением): оскорбление заменено выражением *for heaven’s sake*, что можно перевести как «ради всего святого». Так или иначе, обращение к жене утрачено – заменено междометием.

Когда, наконец, корсет найден и платье надето, Хиония Алексеевна уже почти на выходе из дома получает еще одну колкость от мужа:

– *А ты вот что, Хина, – проговорил Заплатин, наблюдавший за последними маневрами жены. – Ты не очень тово... понимаешь? Пожалей херес-то... А то у, тебя нос совсем клюквой...*

Усеченное обращение от имени *Хиония*, ассоциируемое еще и с хинином, не сохранено переводчиком:

“*I say, Khiona,*” uttered Zaplatin who had been watching his wife’s movements. “*Don’t overdo it, d’you hear? With the jerez, I mean. Your nose is like a cranberry already*”

Перед нами полное имя героини, поскольку В. Шнеерсон на протяжении всего романа называет ее *Khiona* (не *Khionia*) *Zaplatina*.

С отъездом Заплатиной к Бахаревым в главе I заканчиваются и диалоги персонажей, а значит, и обращения на протяжении остальных четырех страниц не представлены. Как уже сказано выше, эта часть главы посвящена описанию дома Заплатиных, а также краткой истории брака Виктора Николаича и их повседневной жизни с Хионией Алексеевной.

Подведем итоги. Первая глава романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» демонстрирует следующие варианты передачи обращений переводчиком В. Шнеерсоном:

– полное (№ 1) или частичное опущение (№ 4, 6 – отсутствие отчества, № 7 – опущение второстепенного члена в составе обращения), в некоторых случаях возможна замена отчества фамилией;

– сохранение обращения по имени, например, к горничной (№ 2 – транслитерация рус. *Матрена*);

– синонимическая замена с сохранением экспрессивности – положительной (№ 3, *голубчик* → *dear*) или отрицательной (№ 7, *дерево ты этакое* → *you blockhead*);

– сохранение французских обращений без перевода и примечания в сноске/ссылке (№ 5, *mon ange*);

– нейтрализация с заменой на междометие (№ 8, *ржавчина* → *for heaven’s sake*), при этом обращение фактически тоже теряется;

– отсутствие словообразовательных трансформов имен, уменьшительно-ласкательных вариантов; сохранение одного и того же варианта имени на протяжении всего повествования (№ 9).

Во второй главе можно насчитать 10 обращений. В оригинале некоторые из них повторяются, но перевод на английский был осуществлен с помощью нескольких переводческих приёмов.

Хиония все-таки приезжает в гости к Бахаревым. Начало главы посвящено описанию дома. Тут же гостя встречает старшую дочь семейства, Надежду Бахареву. В своей привычной манере Заплата обращается к ней по-французски.

– *Ah, mon ange!*

“Ah, mon ange!”

Имя девушки она говорит тоже на французский манер.

– *Je suis charmée! Вы, Nadine, сегодня прелестны, как роза!..*

“Je suis charmée! Nadine, you are a rose!”

Расставшись с Надеждой, Заплата случайно встречает младшую сестру Надежды. От обращения к ней сразу становится понятно, что она ещё совсем юная девушка.

– *Ah! коза, коза... – разжимая теплые полные руки, шептала Хиония Алексеевна. – Кто же, кроме тебя, будет у вас шутить? Сейчас видела Nadine... Ей, кажется, и улыбнуться-то тяжело. У нее и девичьего ничего нет на уме... Ну, здравствуй, Верочка, та petite, chevrel!..*

“Ah, my frisky little goat,” Khiona whispered, unclasping the plump hands. “No one but you would play pranks in this house. I just saw Nadine. She finds it hard to smile, it seems. No girlish thoughts on her mind! Well, how are you, dear Vera, та petite chevrel.

Переводчик решил сделать обращение более нежным, Хиония называет Веру *frisky little goat*, что можно перевести как «маленькая резвая козочка».

Девушка для нее не Вера, а Верочка, что не удалось перевести на английский, так как в нем отсутствуют уменьшительно-ласкательные суффиксы. Вполне вероятно, что переводчик решил применить компенсацию, поэтому добавил к первому обращению прилагательные *frisky* и *little*.

Верочкой называет девушку и её мать, с которой вскоре встречается Заплата.

– Ты бы, Верочка, сходила в кладовую, – проговорила она, усаживаясь на диван.

“Run down to the pantry, dear,” she said to Vera.

Здесь имя было заменено ласковым обращением.

К самой хозяйке дома гостя обращается по имени-отчеству. В переводе оно было заменено тем же словом. В переводе снова употребляется *dear*.

– Ах! Марья Степановна... – встрепенулась Хиония Алексеевна всеми своими бантами, вскакивая с дивана.

“Ah, my dear!” Khiona rose hurriedly from the sofa with iaill her gaudy array of ribbons.

В некоторых моментах имя-отчество Бахаревой опускается.

– Не в трактире, а в номерах для приезжающих, Марья Степановна, – поправила Хиония Алексеевна.

“it’s not a tavern,” Khiona corrected her, “it’s a rooming house.”

Dear часто встречается в этой главе. Шнеерсон заменяет этим словом не только имена, но и фамильярные обращения, такие как *матушка*.

– Ах, матушка, по мне все равно... Не бывала я там никогда. Отчего же он в свой дом не проехал или к нам? Ведь не выгнала бы...

“That’s all one to me, dear—tavern or rooming house. I’ve never seen the inside of one. Why didn’t he go to hits own house, or come to us? We’d be glad to have him.”

Еще одна деталь, характеризующая не только данную главу, но и все произведение в целом. Как уже было сказано, в английском отсутствуют отчества. В начале диалога двух героинь переводчик оставляет просто имя, в следующие разы он просто опускает полностью опускает обращение.

– Убавьте триста-то, Хиония Алексеевна.

“Subtract three hundred thousand.”

Это подтверждает еще один пример. Во время разговора гости и хозяйки дома, к ним неожиданно присоединяется Вера, чье имя в переводе тоже было опущено.

– Что с тобой, Верочка? – спрашивала Марья Степановна, когда дочь вошла в комнату раскрасневшаяся как пион.

“What’s come over you?” Marya Bakhareva asked as her daughter, flushed crimson, re-entered the room.

Итак, на приходе служанки Досифеи в комнату заканчивается вторая глава.

Третья глава начинается с приезда Привалова в дом Бахаревых. Такой неожиданный визит шокирует Марию Степановну.

Веру просят позвать свою старшую сестру. Её имя произносится три раза. В первом случае перевод его сохраняет, а во втором наоборот.

– Как же это так... скоро... вдруг, – говорила растерявшаяся Марья Степановна. – Верочка, беги скорее к отцу... скажи... Ах, чего это я горожу!

– Позовите сюда Nadine, Верочка! – скомандовала Хиония Алексеевна.

“Good heavens! So soon!” Marya Stepanovna murmured tremulously. “Vera, run and tell Father—tell him—Oh, what am I saying?”

“Call Nadine,” Khiona interposed.

В третий раз имя снова присутствует, но обращение исходит уже от Надежды, которая до этого не видела Верочку.

– Да что с тобой, Верочка?

“What’s come over you, Vera?” Nadine inquired.

В разговоре Вера называет старшую сестру *Надей*. Можно предположить, что у сестёр довольно близкие отношения. Однако в переводе это ласковое обращение не сохранилось.

– Надя... – шептала задыхающимся голосом Верочка, хватаясь рукой за грудь, из которой сердце готово было выскочить: так оно билось. – Приехал... Привалов!..

*“Nadine,” Vera breathed, clasping her hand to her heaving breast, “he’s-
come—Privalov, I mean!”*

Действие переносится к разговору Привалова с старым Лукой. По диалогу можно понять, что Лука является в этом слугой. Он обращается на «Вы» к Привалову, почтительно называет его *батюшкой*. Сам же Сергей обращается к собеседнику на «ты», называя его по имени.

– Да, да... То есть... Ах, чего я мелю!.. Пожалуйста, батюшка, позвольте, только я доложу им. В гостиной чуточку обождите... Вот где радость-то!..

– Ну, а ты, Лука, как поживаешь? – спрашивал Привалов, пока они проходили до гостиной.

“Fine, fine—I mean—oh, I’m all flustered. I’ll—announce you at once. Who would ‘have thought—” Luka stuttered.

“And how’ve you been, old man?” Privalov asked as they were walking across the drawing-room.”

Исходя из их взаимодействия, сразу становится понятно, что они находятся в разных социальных сословиях.

Интересна замена имени Луки на словосочетание *old man*, которое можно перевести по-разному (старик, старичок, дедуля) в зависимости от контекста. В переводе слово *батюшка* было заменено местоимением *you*. В английской версии не настолько явно видна близкая связь Луки и Привалова.

Таким же способом было передано имя-отчество Привалова.

– Ишь, челку-то расчесал! Только уж я сам доложу о вас, Сергей Александрыч... Да какой вы из себя-то молодец... а! Я живой ногой... Ах ты, владычица небесная!

“See what he’s done to his hair? But I’ll announce you myself. Ah, you’re a sight for sore eyes. I won’t be a minute.”

Небесная владычица не является обращением. Это восклицание схоже с теми, которые употребляла Хиония Заплатаина в порыве эмоций, ругаясь на своего мужа.

После разговора Привалова и Луки действие вновь переходит на диалог Хионии и Бахаревых. Снова имя младшей дочери опускается в переводе.

– *Ах, Верочка, глаза... какие у него глаза?*

“And the eyes, what eyes has he?” Khiona pressed.

Неожиданный приезд Сергея Александровича подняло переполох в бахаревском доме сверху донизу.

Лука от волнения начинает обращаться к Богу. Остается не ясным, действительно ли он молится, либо произносит эти слова на эмоциях, как в разговоре с Приваловым.

– *Устрой, милостивый господи, все на пользу... – вслух думал старый верный слуга, поплеывая на суконку.*

“Grant God, they’ll like each other,” the loyal old servant mused aloud, spitting on the cloth.

You в данной главе является самой частой заменой имён персонажей, хотя в некоторых частях они просто опускаются.

– *Уж вы, Хиония Алексеевна, пожалуйста, не оставляйте нас, – не зная зачем, просила Марья Степановна. – Помилуйте, Марья Степановна: я нарочно ехала предупредить вас, – не без чувства собственного достоинства отвечала Хиония Алексеевна, напрасно стараясь своими костлявыми руками затянуть корсет Верочки. – Ах, Верочка... Ведь это ужасно: у женщины прежде всего талия... Мужчины некоторые сначала на талию посмотрят, а потом на лицо.*

– *Что же мне делать, Хиония Алексеевна? – со слезами в голосе спрашивала бедная девочка.*

“Don’t leave us in the lurch, dear Khiona,” Bakhareva pleaded without rhyme or reason. “Never! Didn’t I come specially to warn you?” that worthy lady assured her with a good share of hauteur, whilst her bony hands were pulling vainly at the laces of Vera’s corset. “It’s simply dreadful, dear child. Waist comes first in a woman. Men are apt to look at your waistline before they look at your face.”

“But what can I do about it?” the poor girl asked tearfully. [p. 24-25]]

Интересно, что в этом случае имя дочери Бахаревой не было опущено, а заменено другим обращением. *Верочка* и *dear child* имеют схожую эмоциональную окраску.

Хотя в следующем же предложении обращение к Вере вновь было опущено.

– *Теперь уж ничего не поделаешь... А вот вы, козочка, кушайте поменьше – и талия будет. Мы в пансионе уксус пили да известку ели, чтобы интереснее казаться...*

“It’s too late to do anything just now... You ought to eat less. At school we drank vinegar and ate lime to keep down our waistline.”

Единственным человеком в доме, который не обсуждал приезд Привалова, был младший сын семейства, Виктор Васильич. Слуга Игорь был послан, чтобы разбудить Виктора. Тот, пришедший домой в шесть утра и явно не настроенный на подъём, начинает ругаться на мужчину.

– *Какой там Привалов... Не хочу знать никакого Привалова! Я сам Привалов... к черту!.. – кричал Бахарев, стараясь попасть снятым сапогом в Игоря. – Ты, видно, вчера пьян был... без задних ног, ракалалия!..*

“Hang Privalov. Hang you. I want no Privalov. I’m Privalov!” young Bakharev shouted, aiming his boot at Igorka. “You’ve had too much to drink. You’re fried, you canaille.”

Ракалалия (именно с одной буквой к) может переводиться как *негодяй* или *мерзавец* с французского [80, с. 1210]. Шнеерсон заменил его словом схожим по значению [77]. *Ракалалия* и *canaille* являются синонимами.

Игорю так и не удалось поднять Бахарева, он уходит. На этот эпизоде заканчивается третья глава. Итак, если исключить повторяющиеся обращения (перевод которых также повторялся), данная глава содержит 9 обращений. Самые разнообразные интерпретации на английском получила Вера (*dear child, Vera*).

Четвертая глава начинается с визита Приваловым кабинета Василия Бахарева. Подробно описывается и внешность Василия, и внутренняя обстановка самого кабинета. Они беседуют о прошлом, о родных и близких.

Гость, проявляя уважение, обращается к Бахареву по имени-отчеству. В переводе снова используется опущение.

– Какой ты молодец стал... а! В отца пошел, в отца... Когда к нам в Узел-то приехал?

– Сегодня ночью, Василий Назарыч.

“What a fine-looking chap!” he said. “A chip off the old block. When did you arrive?”

“Last night.”

По их диалогу можно понять, что Василий знает Сергея много лет. Он называет его *дружком*, что, во-первых, свидетельствует о их близости, во-вторых, о большой разнице в возрасте.

– Э, перестань, дружок, это пустое. Какие между нами счета...

“Bah, don’t give it another thought, young man.”

В переводе Бахарев называет Привалова *young man*. Обращение становится более формальным в сравнении с оригиналом.

В следующем фрагменте это обращение уже опускается.

– Что же мы сидим тут? – спохватился Бахарев. – Пойдем к старухе... Она рада будет видеть такого молодца. Пойдем, дружок!

“We should let Marya know you’re here,” it occurred to Bakharev suddenly. “She’ll be glad to see you. Come, let’s go!”

В конце диалога уже Бахарев называет Привалова по имени-отчеству, а в переводе Шнеерсон использует обращение, схожее по эмоциональной окраске с *дружком*. В этом фрагменте была применена компенсация.

– Нет, ты не сумеешь этого сделать, – с печальной улыбкой проговорил старик и позвонил. – Вот Лука – тот на эти дела мастер. Да... Отошло, видно, золотое времечко, Сергей Александрыч, – грустно заговорил Бахарев.

*“No, no. You couldn’t.” The old man smiled ruefully and rang for help.
“Luka—he’s the man for it. Gone are the days, dear boy.”*

Василий, жалуясь на здоровье, отказывается от помощи Сергея. Подняться с кресла ему помогает Лука, которому Бахарев напоминает о их возрасте. И так как один из них начальник, а второй слуга, хозяин дома обращается к Луке только по имени, несмотря на одинаковый возраст. Лука поступает наоборот. И к Бахареву, и к Привалову обращается только по имени-отчеству.

– Вот, Лука, и мы с тобой дожили до радости, – говорил Бахарев, крепко опираясь на плечо верного старого слуги. – Видел, какой молодец?..

– Уж на что лучше, Василий Назарыч! Я даже не узнал их... Можно сказать, совсем преобразились. Бывало, когда еще в емназии с Костенькой учились...

*“We’ve lived to see .a happy day, you and I,” Bakharev uttered, leaning heavily on the shoulder of his: loyal servitor. “See what a fine figure he cuts?”
“Indeed! I didn’t even recognize him at first. He’s altogether changed. When he and Konstantin....”*

В конце главы имя-отчество Бахарева снова было опущено.

– Я думаю совсем здесь остаться, Василий Назарыч.

“I think oif staying for good,” Privalov replied. ”

Четвертая глава подходит к концу. Так как глава по объему довольно небольшая, и описание персонажей, обстановки занимает в ней значительное место, обращений она насчитывает шесть.

Василий повел Сергея в гостиную. Там уже сидела хозяйка дома. Супруги начинают спорить о том, на кого из родителей больше похож Привалов. Бахарев, обращаясь к Марье Степановне, употребляет короткую форму её имени, как принято в русских культуре. Переводчик оставляет только имя.

– Нет, ты посмотри, Маша, какой молодец... а? – повторял Василий Назарыч, усаживаясь при помощи Луки в ближайшее кресло.

“Look at him, Marya,” Vasily Bakharev mumbled, dropping with Luka’s assistance into a nearby armchair. “Doesn’t he cut a fine figure?”

При переводе обращения к Привалову, его имя-отчество заменяется на *you*.

– Добрые люди мрут и нам дорожку трут, – прибавил от себя Бахарев. – Давно ли, ровно, Сергей Александрыч, ты гимназистом-то был, а теперь...

“Aye, the good people go—and beat the path for us.” Bakharev sighed. “It seems only yesterday you were a mere schoolboy.”

В комнате появляется Надежда, которую впихивает туда Заплата. Сергей видит ее в первый раз спустя такое долгое время. Они не видели друг друга много лет. Диалогу между ними не удастся состояться, всех зовут на обед. Там Привалов знакомится с остальными членами семьи.

За обедом персонажи беседуют друг с другом. Марья Степановна рассуждает о людях прошлого и настоящего, нелестно высказываясь о своих современниках. Ей возражает старшая дочь.

– Это, мама, только так кажется, – заметила Надежда Васильевна. – И прежде было много дурных людей, и нынче есть хорошие люди...

“It only seems that way, Mother,” Nadine contradicted. “There were just as many evil people in the past, and there still are many decent people in our day.”

В переводе обращение к матери более формальное и уважительное.

К разговору подключаются остальные члены семьи. Хиония тоже, но не встаёт на чью-либо сторону, стараясь держать нейтралитет. Она скорее не возражает Марье, а пытается вставить свою лепту в разговор.

– Молодость, молодость, – шептала Хиония Алексеевна, закатывая глаза. – Кто не был молод, кому не было шестнадцати лет... Не так ли, Марья Степановна?

“Ah, to be young,” Khiona Zaplatina mumbled, screwing up her eyes. “What wouldn’t we ‘give to be sixteen again!’”

В перевод обращение было опущено.

Весь разговор далее сводится к гостю. Заплатаина пытается заинтересовать его своим клубом, расспрашивает о знакомых и опекунах.

– Да что я говорю? – спохватилась Хиония Алексеевна. – Ведь Половодов и Ляховский ваши опекуны, Сергей Александрыч, – вам лучше их знать.

“But how silly of me,” Khiona concluded abruptly. “Aren’t Polovodov and Lyakhovsky the trustees of your estates? Surely you know them better than I.”

Имя-отчество Привалова снова заменяется на *you*.

Последние три обращения в главе опускаются. В какой-то мере это делает диалог более живым. Персонажи быстрее произносят свои реплики и отвечают также.

– Нужно спросить, Хиония Алексеевна, во что обходится остроумие Веревкина его клиентам, – заметил Бахарев.

– Ах, Василий Назарыч... Конечно, Nicolas берет крупные куши, но ведь мы живем в такое время, в такое время... Не правда ли, Марья Степановна?

“Wit indeed! But at what price to his clients?” Bakharev interposed testily. “Nicolas charges very high fees, but that’s all in the spirit of the times. Isn’t it?” This last Khiona addressed to Marya Bakhareva”

На этом заканчивается пятая глава. Большая её часть была посвящена диалогам, хотя обращений в ней немного (всего семь), и большая часть из которых была опущена.

После обеда Василий и Сергей возвращаются в кабинет. Они беседуют о Холостове, погибшим и не выплатившим долг, о Масмане, взявшим семьсот тысяч во время казенной опеки над заводами.

Привалов признается, что ничего не смог сделать. Как и в переводе предыдущих глав имя-отчество Бахарева опускается.

– Василий Назарыч, ведь со времени казенной опеки над заводами прошло почти десять лет... Несмотря ни на какие хлопоты, я не мог даже узнать, существует ли такой отчет где-нибудь. Обращался в контроль, в горный департамент, в дворянскую опеку, везде один ответ: «Ничего не знаем... Справьтесь где-нибудь в другом месте».

“It’s almost ten years since the mills were in government trust. Much as I tried, I couldn’t even learn whether Masman turned in a report at all. I approached the Control Committee about it, the Department of Mines and the Noblemen’s Court of Wards. They all said the same thing: ‘We don’t know. Inquire elsewhere.’”

Во втором случае снова опущение.

– *Моя часть целиком уходила на хлопоты, Василий Назарыч.*

“I’ve spent all my share on the litigation,” Privalov said.”

И в третьем тоже.

– *Теперь трудно сказать, Василий Назарыч.*

“I wouldn’t go so far as to say that.”

Сам же Бахарев, обращаясь к молодому человеку называет его голубчиком. Это ласковое обращение в значении «милый» или «дорогой» было переведено как *my boy*, что с английского может переводиться точно также.

– *А вот поживи с мое, тогда и сам узнаешь, что и чего стоит. Нет, голубчик, трудно жить на белом свете: везде неправда, везде ложь да обман. Ведь ограбили же вас, сирот; отец оставил вам Шатровские заводы в полном ходу; тогда они больше шести миллионов стоили, а теперь, если пойдут за долг с молотка, и четырех не дадут. Одной земли четыреста тысяч десятин под заводами...*

“When you’ll have lived as long as I, you’ll know better. No, my boy, life is no picnic. Injustice, deceit and trickery prey on you everywhere you ‘go. You’ve been robbed! When, you succeeded to the Shatrov Mills they were worth well over six millions. Should they come under the hammer today they won’t even raise four. More than a million acres of land goes with them.”

В шестой главе было всего четыре обращения, три из которых повторяющиеся имя-отчество Бахарева.

После беседы мужчины вернулись в гостиную. Хиония, распрощавшись со всеми, покинула комнату.

Сергея угостили вареньем и медом, и пока он пробовал сладости, Марья Степановна рассказывала о судьбах знакомых семей, снова сравнивая разные поколения.

В беседу включился Виктор, не согласившись с мнением матери.

– Ну, маменька, нынче люди самые настоящие, – заметил Виктор Васильич, которому давно надоело слушать эти разговоры о старинных людях.

Victor, bored to distraction by her invariable allusions to the good old days, interrupted her: “The people today, Mother, are very real people.”

Такое почтительно-ласковое обращение было потеряно в переводе, заменено на нейтральное *Mother*.

К разговору присоединяются девушки. Надежда и Вера начинают вспоминать различные истории из детства. В какой-то момент Марье Степановне это надоедает и она останавливает сестер.

– Будет вам, стрекозы, – строго остановила Марья Степановна, когда всеми овладело самое оживленное настроение, последнее было неприлично, потому что Привалов был все-таки посторонний человек и мог осудить.

“Enough of that, chatterboxes,” Marya Bakhareva cut in sternly when the merriment reached a high point. To her mind all this mirth was indecent because Privalov, after all, was a stranger and liable to cast a slur upon her daughters’ behaviour.”

Стрекоза – символ лёгкости, легкомыслия, скорости. Поэтому Бахарева так и назвала дочерей, которые стремительно обсуждали личные вещи перед незнакомым человеком.

Chatterboxes может переводиться как «болтун», «пустомеля» [76].

Тут же Бахарева обращается к Привалову. Первый раз в переводе появляется имя Привалова, до этого переводчик в диалогах либо опускал его имя, либо заменял на you.

– Мы вот все болтаем тут разные пустяки, а ты нам ничего не расскажешь о себе, Сергей Александрыч.

“Here we are, speaking of trifles all this time, and you not saying a word about yourself, Sergei,” she declared.

А вот имя-отчество Бахаревой снова было опущено.

– *Право, не знаю, что и рассказывать, Марья Степановна,* – ответил Привалов.

“I really don’t know what to say,” Privalov objected.

К диалогу снова подключается Надежда. Обращение к матери снова заменяется нейтральным *Mother*.

– *Мама, какая ты странная,* – вступилась Надежда Васильевна. – *Все равно мы с тобой не пойдем, если Сергей Александрыч будет рассказывать нам о своих делах по заводам.*

“Really, Mother,” Nadine intervened. “Whatever Sergei Alexandrovich has to’ say about his business affairs will be too deep for us anyhow.”

Ответ не заставил себя долго ждать.

– *Да ведь пятнадцать лет не видалась, Надя... Это вот сарафан полежит пятнадцать лет, и у того сколько новостей: тут моль подбила, там пятно вылежалось. Сергей Александрыч не в сундуке лежал, а с живыми людьми, поди, тоже жил...*

“But after fifteen years, my dear!” her mother pressed. “Even a sarafan would have things to relate after fifteen years, what with moths attacking it and one thing and another. Sergei wasn’t put away like a sarafan in a box.

В английской версии Марья Степановна употребляет *my dear*, вместо имени дочери. Если обратиться к анализу предыдущих глав, можно заметить, что имена часто заменяются на *dear*.

На этом заканчивается седьмая глава. Она насчитывает шесть обращений.

В восьмой главе действие происходит вечером того же дня.

Бахарев беседует со своей дочерью наедине. Надежда жалуется отцу, не понимая, почему к ней относятся как к товару.

– Папа, пожалей меня, – говорила девушка, ласкаясь к отцу. – Находиться в положении вещи, которую всякий имеет право приходить осматривать и приторговывать... нет, папа, это поднимает такое нехорошее чувство в душе! Делается как-то обидно и вместе с тем гадко... Взять хоть сегодняшний визит Привалова: если бы я не должна была являться перед ним в качестве товара, которому только из вежливости не смотрят в зубы, я отнеслась бы к нему гораздо лучше, чем теперь.

“Don’t you see, dear?” the girl was saying, snuggling up to her father. “To be a thing which everyone has the light to inspect and—and.... No, papa, it touches me on I lie raw. I resent it. It’s loathsome. Take Privalov’s visit today: if I didn’t have to appear before him as a piece of merchandise, I should have been much nicer to him.”

В этой реплике Надежда дважды обращается к отцу. В первом случае *papa* заменяется на *dear*, которым обычно в английской версии книги (как уже было сказано) переводчик заменяет имена и отчества персонажей.

Во втором случае *papa* заменяется на французское *papa*. Шнеерсон не стал повторять прием из предыдущей главы, когда *мама* переводил как *Mother*.

Прослушав ответ Бахарева, дочь снова называет его папой. И в третий раз перевод опускает это обращение.

– Да начать хоть с Хины, папа. Ну, скажи, пожалуйста, какое ей дело до меня? А между тем она является с своими двусмысленными улыбками к нам в дом, шепчет мне глупости, выворачивает глаза то на меня, то на Привалова. И положение Привалова было самое глупое, и мое тоже не лучше.

“Well, to begin with, take Khiona,” the girl said. “What concern is all this of hers? Yet there she was, on the spot, with her insinuating leers, whispering abominable rot in my ear, rolling her eyes at Privalov and myself. He must have felt awfully foolish. I did.”

Отец, успокаивая дочь, пытается сказать несколько слов в защиту сегодняшнего гостя.

– Все это так, Надя, но я все-таки не вижу, в чем виноват тут Сергей Александрыч...

“By all means, but I still don’t see where Sergei Privalov fits into the picture.”

Интересно опущение имени дочери в этом моменте. Ожидалось, что Шнеерсон снова заменит его на *dear*, но видимо он решил не повторяться.

В другой реплике уже не *papa*, а *Надя* заменяется на французское слово, если быть точнее, на французскую форму имени Надя.

– Тебя никто не гонит замуж, Надя.

“Nobody is forcing you into marriage, Nadine,” her father interrupted.

Эта форма используется и во второй раз в следующей реплике. Отец снова называет дочь *Nadine*, а перед этим *бедной девочкой*.

– И отличное дело: устрою в монастырь... Ха-ха... Бедная моя девочка, ты не совсем здорова сегодня... Только не осуждай мать, не бери этого греха на душу: жизнь долга, Надя; и так и этак передумаешь еще десять раз.

“By all means.” Bakharev laughed. “We’ll pack you to a nunnery. Ha, ha, ha. My poor, poor daughter, you can’t be well today. But please don’t reproach Mother. It’s a sin. Life is long, Nadine. You’ll have ample time to change your mind a dozen times.”

Надежда еще несколько раз употребляет *papa* в разговоре.

– Все-таки, *papa*, самые хорошие из них были ужасными людьми. Везде самодурство, произвол, насилие... Эта бедная Варвара Гуляева, мать Сергея Александрыча, – сколько, я думаю, она вынесла...

– А Сергей Александрыч, по-твоему, *papa*, как будет?

“Whatever you say, papa, even the best of them were beasts. It’s inconceivable—all that petty tyranny, that stupid despotism and brutality. Poor, poor Varvara, Privalov’s mother—she must have had a terrible time!” “What of Sergei Privalov?” Nadine put in. “Is he the same as the others?”

Первое *papa* заменено на *papa*, второе было опущено.

Итак, вся восьмая глава состояла полностью из диалога. Из десяти обращений имя старшей дочери употреблено три раза, обращение к отцу шесть раз (три раза переведено, три раза опущено).

Девятая глава раскрывает историю отношений Приваловых и Бахаревых. Читатель знакомится с Павлом Гуляевым, дедом Сергея Привалова. В его доме жило большое количество сирот. Именно там росли Василий и Марья. Павел подтолкнул их к браку.

«Вот, Маша, тебе жених... После спасибо мне скажешь». Девушка повалилась в ноги своему названому отцу, и этим вся церемония закончилась. Через две недели Бахаревы были повенчаны по раскольничьему обряду.

– Береги его, Маша, – проговорил Гуляев, когда поздравлял молодых. – У меня Василий правая рука... Вот тебе мой сказ.

“There, Masha, is a husband for you. Some day you’ll thank me for the choice.” The girl fell to her knees—an act of grateful submission. That had been all. In a fortnight the two were married after the old sectarian custom.

“Look after him, Masha,” was all Gulyayev said to Marya when blessing the newly-weds, and later added, “Vasya’s my right hand. That’s all I can say.”

Оба раза перевод имени был передан при помощи транслитерации.

Шнеерсон нечасто пользуется этим приёмом.

А вот *Вася* было решено просто опустить в четырех местах из шести.

– Не видать бы Привалову моей Варвары, как Своих ушей, только уж, видно, такое его счастье... Не для него это дерево растилось, Вася, да, видно, от своей судьбы не уйдешь. Природа-то хороша приваловская... Да и заводов жаль, Вася: погинули бы ни за грош. Ну, да уж теперь нечего тужить: снявши голову, по волосам не плачут.

“He’d never have had my Varvara. Just a stroke of luck for him. I didn’t have him in mind when I was raising my little flower; but fate is fate, can’t get away from it. The Privalov breed—it’s a good breed. And I hate to see the mills run to seed. Well, anyhow, it’s too late now, like crying over spilt milk.”

– *Вот, Вася, и на нашей улице праздник, – говорил Гуляев своему Поверенному.*

“My day has come at last,” he used to say to Vasily Bakharev.”

В двух случаях из шести имя было передано при помощи транслитерации.

«Вася, приезжай похоронить меня...»

“Vasya, hurry to my funeral.”

– *Нет, Вася, умру... – слабым голосом шептал старик, когда Бахарев старался его успокоить. – Только вот тебя и ждал, Вася. Надо мне с тобой переговорить...*

“No, Vasya, it’s the end,” he whispered weakly when Bakharev sought to reassure him. “I’ve just waited for you to come. I must speak to you.”

Девятая глава посвящена прошлому, поэтому действующих лиц в ней мало. Данная глава насчитывает восемь обращений, половина из которых была транслитирована, другая опущена.

Десятая глава содержит всего один пример обращения к персонажу. Как и в предыдущей главе имя было переведено при помощи транслитерации.

– *Маша, Маша, – уговаривал жену Бахарев, – ведь теперь другие люди, другое время...*

“Masha, Masha,” Bakharev pleaded, “people are different these days, times have changed.”

Глава продолжает тему семейных отношений. Она скорее описательная, а не повествовательная.

Также можно описать и одиннадцатую главу. Приезд Привалова надел много шума в городе. Этому очень рада Хиония Заплатаина, ведь ей удаётся поселить Сергея у себя. Перед этим она беседует с Бахаревой.

– *Конечно, только пока... – подтверждала Хиония Алексеевна. – Ведь не будет же в самом деле Привалов жить в моей лачуге... Вы знаете, Марья Степановна, как я предана вам, и если хлопочу, то не для своей пользы, а для*

Nadine. Это такая девушка, такая... Вы не знаете ей цены, Марья Степановна!

“Just for a time,” Khiona pressed her point. “Privalov wouldn’t want to live permanently in a hovel like mine. You know, of course, how devoted I am to you. If I’m going out of my way this time, it isn’t for my own gain, but all for Nadine. She’s such a child, such a You don’t know her true worth, Marya!”

– Ведь вы себе представить не можете, Марья Степановна, какие гордецы все эти Ляховские и Половодовы!..

“You don’t know what snobs those Lyakhovskys and I’olovodovs are,” Zaplatina continued.

Да этого имя Бахаревой обычно опускалось или заменялось на *dear*. В одном случае из трех оно оставлено (но без отчества).

Последнее обращение встречается в самом конце главы. Хиония, смотрясь в зеркало, обращается к своему отражению. *Хина* было заменено на простое *you*.

– Главное, Хина, не нужно зарываться... Будь паинькой, а там и на нашей улице праздник будет.

“But see you don’t overreach yourself, Khiona. Easy does it! Your day will come.”

Итак, глава содержит всего четыре обращения.

Двенадцатая глава переносит читателя во времени. Комнаты для Привалова уже были готовы, и он селится в доме Заплатиных.

Тут же встречается первое обращение в главе.

– Нет, это напрасно, Хиония Алексеевна... Мне именно нравится эта простота.

“Don’t say that,” Privalov interrupted. “I’m fond of simple things.”

Назвать Заплатину только по имени Сергей не может, поэтому здесь переводчик не смог оставить имя (как это было в диалоге с Бахаревой, например). А поскольку в английском отсутствуют отчества, было решено опять применить приём опущения.

За Приваловым наблюдали все жильцы дома. Матрешка имела неосторожность высказаться о деньгах гостя, за что Заплата назвала её *дурой*. В переводе используется очень точное слово *fool*, которое так и переводится.

– *Дура, да разве деньги держат дома?! – обругала Хиония Алексеевна свою верную рабу.*

“Fool,” Khiona rejoined tersely, “whoever keeps money at home?”

На этом двенадцатая глава заканчивается. Она содержит всего два обращения.

Тринадцатая переносит читателя во времени.

Привалов, обосновавшись в доме Заплатиных, не решается нанести визит свои опекунам. Вместо этого он постоянно посещает Бахаревых. Хозяйка дома начинает волноваться и решает переговорить с Надеждой.

– *Право, мама, я вас не узнаю совсем, – говорила Надежда Васильевна, – с чего вы взяли, что я непременно должна выходить за Привалова замуж?*

“Really, Mother, I can’t make you out,” Nadine said. “What makes you think I’m going to marry Privalov?”

Как и в прошлых случаях *мама* заменяется на нейтральное *Mother*.

В этой главе таких случаев ещё четыре.

– *Это все ваша Хина придумывает, мама.*

“It’s all Khina’s doing, Mother,” Nadine put in.

– *Вы, мама, добьетесь того, что я совсем не буду выходить из своей комнаты, когда у нас бывает Привалов.*

“I warn you, Mother, I shan’t leave my room when Privalov calls.”

– *Муж найдется, мама. В газетах напечатаем, что вот, мол, столько-то есть приданого, а к нему прилагается очень хорошая невеста...*

“Don’t let that trouble you, Mother. We’ll advertise for one in the papers: ‘So-and-so-much dowry, and a fine bride into the bargain.’”

– *Что же, мама, Зося хорошая девушка, и Сергей Александрыч недурной человек, – отличная парочка выйдет.*

“What of it, Mother? Zosya’s a fine girl. Privalov isn’t a bad chap either. They’ll make a splendid couple.”

Ответ Надежды явно не устраивает мать. Она называет дочь полным именем, что свидетельствует о серьезности ситуации. Первый раз за все произведение Бахарева так обращается к дочери. В переводе имя-отчество заменяется на *you*, поэтому эту разницу в английской версии увидеть нельзя.

– Мудришь много над матерью-то, Надежда Васильевна, – строго закончила Марья Степановна. – После чтобы не плакать...

“Making light of what your mother says to you, eh?” Bakhareva replied sternly. “See it doesn’t end in tears.”

А вот слова отца свидетельствуют о противоположном настроении. Он ласково обращается к дочери, оказывая ей поддержку. Обращение было опущено.

– Надя, мать – старинного покроя женщина, и над ней смеяться грешно.

“Your mother is old-fashioned, and you shouldn’t make fun of her.”

Точно также ласково обращается Надежда к отцу, называя его *папой*. Это ласковое обращение в обоих местах заменяется на *Father*.

– По всей вероятности, папа, я его и полюбила бы, если бы меня не выставляли невестой.

“I should have loved him, Father, most likely, if I wasn’t being foisted upon him as a bride.”

– Папа, оставим этот разговор, а то опять рассоримся.

“We’d better change the subject, Father.”

На этом обращения в главе заканчиваются. Она содержит девять обращений, пять из которых направлены в адрес матери. В этой главе появляется новая форма перевода *папы*. До этого *папа* либо опускалось, либо заменялось на французское *papa*.

Пятнадцатая глава начинается с прогулки. Привалов снова в гостях у Бахаревых. Надежда интересуется, почему Сергей до сих пор не посетил

Ляховского. Тот отвечает, что ему тяжело ехать в отчий дом, на что девушка возражает.

– *Но ведь, кроме воспоминаний, есть настоящее, Сергей Александрыч.*

“But apart from memories there’s the present,” Nadine reasoned.

Переводчик решил не вставлять имя персонажа в эту реплику.

Вернувшись с прогулки, Надя и Сергей встречают Марью Степановну.

Привалов вежливо отвечает на её вопросы, соглашается с хозяйкой дома.

– *Почему не отдадите, Марья Степановна?*

– *Пусть уж лучше стоят у вас, Марья Степановна, – согласился*

Привалов.

“Why not?” Privalov asked idly.

“Yes, they’re better off here,” Privalov agreed.

В английской версии имя-отчество Бахаревой опускается, и этот раз не стал исключением.

Надежда вступает за Сергея.

– *Мама, ты не поняла Сергея Александрыча, – вступилась Надежда*

Васильевна.

“You didn’t understand what Sergei meant,” Nadine intervened.

В этот раз *мама* не заменяется на *Mother*.

Бахарева возражает в ответ

– *Ну, уж извини, голубушка... Что другое действительно не понимаю, – стара стала и глупа, а уж это-то я понимаю.*

“Leave that to me, my dear. I may fail to grasp other things, old and stupid as I am, but this is something I understand perfectly,” her mother declared firmly.

В английском переводе Марья Степановна часто называет дочерей *my dear*.

Это было последнее обращение в четырнадцатой главе. Всего их было пять.

В пятнадцатой главе первое обращение направлено к матери. Надежда сообщает ей, что Вера идёт с ними на прогулку. Здесь возвращается привычный перевод мамы как *Mother*.

– Верочка с нами пойдет, мама, – проговорила Надежда Васильевна, надевая шляпу.

“Vera will come too, Mother,” said Nadine, putting on her hat.

Трио приходит в дом к Колпаковой. Читателя знакомят с хозяйкой дома, которая хорошо знакома с Бахаревыми.

– Можно, можно... – ответил какой-то глухой женский голос, и от окна, из глубины клеенчатого кресла, поднялась низенькая старушка в круглых серебряных очках. – Ведь это ты, Верочка?

“Yes, of course,” a hollow feminine voice replied, and a small woman in round silver spectacles rose from an oil-cloth armchair by the window. “It’s you, Vera, isn’t it?”

Имя младшей сестры сохраняется в переводе. Однако Шнеерсон использует полную форму имя, из-за чего иностранному читателю пока сложно догадаться, в каких отношениях находятся героини.

Павла Колпакова узнаёт Привалова. По её реплике становится понятно, что она знает его с детства, когда он был семилетним мальчиком. Сам Серге тоже смутно помнит эту женщину.

– Вы меня, вероятно, не узнаете, Павла Ивановна, – заговорил Привалов, когда Надежда Васильевна поздоровалась со старушкой. – Сергей Привалов... – Сережа!.. – вскрикнула Павла Ивановна и всплеснула своими высохшими морщинистыми руками. – Откуда? Какими судьбами?.. А помните, как вы с Костей бегали ко мне, такими мальчугаишками... Что же я... садитесь сюда.

“You don’t recognize me, do you?” Privalov asked after Nadine greeted the old woman. “I’m Sergei Privalov.”

“Sergei!” Pavla Kolpakova exclaimed, clasping her withered, wrinkled hands. “Where’d you come from? Remember, when you were boys, you and Konstantin used to come to me. Well, come in, come in, and sit down.”

Имя-отчество Колпаковой было опущено, а имя Привалова сохранено (в его полной форме).

В разговор вступает Надежда. Она хорошо знакома с хозяйкой дома. Снова при переводе применяется опущение.

– *Вы, Павла Ивановна, пожалуйста, не хлопчите, мы пришли не как гости, а как старые знакомые,* – говорила Надежда Васильевна.

“Please don’t bother. Don’t regard us as guests—just old acquaintances,” Nadine was saying.

Пробыв в гостях ещё какое-то время, они собираются домой. По пути они встречают сумасшедшего пожилого человека. На этом глава подходит к концу. Она содержит пять обращений. С появлением нового персонажа, появляется новое обращение, нов переводе оно опускается.

В шестнадцатой главе появляется ещё один новый персонаж. Виктор Бахарев и Николай Верёвкин приходят к Привалову в гости. Они решают выпить. В переводе имя Веревкина не меняется, поскольку и в оригинале оно записано латиницей. Фамилия Сергея тоже остаётся, она передана при помощи транслитерации.

– *В самом деле, и у меня главизна зело трещит после вчерашнего похмелья,* – прибавил с своей стороны Виктор Васильич. – *Nicolas, ты очищенную? А мне по части хересов. Да постойте, Привалов, я сам лучшие распоряджусь! Ей-богу!*

– *А я тебя, Привалов, полюбил с первого раза...*

“Aye! I’ve a horrid headache myself after last night,” Victor chimed in. “Nicolas, d’you want vodka? As for me, I want jerez. Oh, hang on, Privalov, I’ll see to it myself! Won’t be a minute!”

“I liked you from the first, Privalov,” he kept saying with sparkling eyes.

Следующее обращение опускается. Бахарев называет Привалова братом.

– *Это, брат, сама красота, огонь, грация и плутовство.*

“She’s beauty, fire, grace, and mischief all rolled into one.”

Когда Виктор ненадолго покидает друзей, между Приваловым и Верёвкиным начинается разговор, в котором Николай называет собеседника по имени-отчеству. Первый за все произведение перевод сохраняет не только имя персонажа, но и его отчество.

– Гм... Видите ли, Сергей Александрович, я приехал к вам, собственно, по делу, – начал Веревкин, не спуская глаз с Привалова.

– Гм... – промычал Веревкин и нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. – Дело вот в чем, Сергей Александрович...

“Hm—you see, Sergei Alexandrovich, I came to you on business,” Veryovkin began.

“Hm,” Veryovkin grunted and drummed with his fingers impatiently on the table-cloth. “Well, you see, Sergei Alexandrovich...”

В комнату возвращается Бахарев и присоединяется к разговору. Фамилия Сергея снова сохраняется в переводе.

– Послу-ушай, Привалов... я тебя люблю... а ты не знаешь ничего... не-ет...

– Не-ет... Вы думаете, что я дурак... пьян... Послушай, Привалов, я... тебе вот что скажу...

“Listen, Privalov—I love you—and—you don’t know a thing—n-no.”

“N-n-no. You may think I’m a drunken fool, a clown. But hear what I have to say, Privalov.”

Виктор засыпает. Верёвкин в одной реплике обращается к обоим мужчинам.

– Э, батенька, плюньте... Мы вот лучше о деле побалагурим. Виктор, спишь? Спит...

“Oh, put it out of your mind. Let’s rather talk business. Victor, are you asleep? Fine.”

Николай называет Сергея *батенькой*. Это фамильярное обращение в переводе опущено, но сохранено имя Бахарева.

Разговор продолжается. Привалов первый раз называет Верёвкина по имени-отчеству. Тот делает то же самое, параллельно снова обращаясь к Виктору, который до сих пор не проснулся.

– Помилуйте, Николай Иванович, что же еще-то может быть? – Об этом мы еще поговорим после, Сергей Александрович, а теперь я должен вас оставить...Эй, Виктор.

– А вы с ним не церемоньтесь... Так я буду ждать вас, Сергей Александрович, попросту, без чинов. О моем предложении подумайте, а потом поговорим всерьез.

“But what can there be?” Privalov wondered. “We’ll speak about it some other time, Sergei Alexandrovich. I must leave you now. Victor!”

“Don’t trouble yourself too much with him. Well, I’ll expect you, Sergei Alexandrovich. Drop in. And think about my proposal.”

Только первое обращение к Николаю опущено, остальные сохранены в переводе.

Это были последние примеры обращений в шестнадцатой главе. Всего их было пятнадцать (самое большое количество в сравнении с другими главами). Как уже было сказано, в английском переводе появляются имена-отчества.

В следующей главе Привалов всё-таки едет к Ляховскому, но перед этим заезжает к Бахаревым.

Из окна за ним наблюдает Матрёна и сообщает об этом Заплатиной.

– Барин-то едет! – силым шепотом докладывала Матрешка Хионии Алексеевне. – Своими глазами, барыня, видела... Сейчас пальто в передней надевает...

“He’s going out!” Matryona whispered hoarsely to Khiona Zaplatina. “I saw him with my own eyes. He’s putting on his coat.”

Как и в первой главе обращение *барыня* опускается.

Приехав к Бахаревым, Сергей сразу идёт к Марье Степановне.

– Нарочно заехал к вам, Марья Степановна, чтобы набраться смелости.

“I’ve come to see you before going to the Lyakhovskys, to screw up my nerve,” Privalov replied.

Итак, имя-отчество Бахаревой не сохраняется в переводе.

Затем Сергей идёт к Василию. За весь их диалог Привалов обращается к Бахареву девять раз. В семи репликах в английском переводе имя-отчество хозяина дома опускается.

– Нет... Ведь заводы, Василий Назарыч, еще неизвестно кому достанутся. Об этом говорить рано...

“No. The mills may not even be mine. It’s too early to speak about them,” Privalov rejoined”

– А как же, Василий Назарыч... Ведь заводы устроены чьим трудом, повашему?

“Why, my debt to those whose labour went into making the mills.”

– Нет, очень касается, Василий Назарыч.

“But it is our concern.”

– Я и не думаю отдавать землю башкирам, Василий Назарыч; пусть пока она числится за мной, а с башкирами можно рассчитаться и другим путем...

“No, and I don’t intend to. I’ll keep the land, at least for the time being, but there are other ways of squaring accounts with the Bashkirs.”

– Мы еще поговорим об этом, Василий Назарыч.

“Well, we’ll talk about it again some day.”

– Нет, Василий Назарыч, я никогда не буду золотопромышленником, – твердым голосом проговорил Привалов.

“No, I shall never be a gold-miner,” Privalov stated.

– Я думаю заняться хлебной торговлей, Василий Назарыч.

“I intend to start in the wheat trade,” Privalov replied.

В остальных случаях оно заменяется на *you*.

– Извините меня, я не хотел вас обидеть этим, Василий Назарыч, но если я по обязанности должен удерживать за собой заводы, то относительно приисков у меня такой обязанности нет.

“You must excuse me, I don’t want to offend you, but it is my duty to keep a grip on the mills, while I have no such obligations concerning the gold-mines.”

– Нет, вы не ослышались, Василий Назарыч. Я серьезно думаю заняться хлебной торговлей...

“You did. I really do think of starting in the wheat trade,” Privalov said.

Большинство обращений к Привалову начинается с «Сергей Александрыч». В этой главе Шнеерсон не стал оставлять отчество, в переводе Бахарев называет Привалова *Sergei*. Хотя в оригинале он называет его не только *Сергеем Александрычем*, но и *Сережкой*.

– А что, Сергей Александрыч, – проговорил Бахарев, хлопая Привалова по плечу, – вот ты теперь третью неделю живешь в Узле, поосмотрелся?

“Well, Sergei,” Bakharev boomed, slapping Privalov’s shoulder, “it’s three weeks since you’ve come to Uzel.”

– Нет, Сергей Александрыч, ты этого никогда не сделаешь...

“No, Sergei, you mustn’t do it.”

– Ах, Сережа, Сережа... – шептал Бахарев, качая головой.

“Ah, Sergei, Sergei,” Bakharev whispered, shaking his head.

– Я тебе серьезно говорю, Сергей Александрыч. Чего киснуть в Узле-то?

“I’m in dead earnest, Sergei. Why waste your time in Uzel?”

Иногда имя-отчество Привалова иногда тоже заменяется на *you*.

– Так-то, Сергей Александрыч... А я вот что скажу: прожил ты в Узле три недели и еще проживешь десять лет – нового ничего не увидишь.

“But here’s what I want to tell you: you’ve been three weeks in Uzel, and if you’re here another ten years you’ll never see anything new.”

– Конечно, конечно... В копнах не сено, в долгах не деньги. Но мне все-таки хочется знать твое мнение о заводах, Сергей Александрыч.

“True enough,” Bakharev agreed. “A stack isn’t hay and a debt isn’t money. But I still want to know what you think of the mills.”

–Эх, Сергей Александрыч, Сергей Александрыч. Гляжу я на тебя и думаю: здоров, молод, – скатертью дорога на все четыре стороны...

“You’re young and strong—all roads lare open to you. You’re not an old man, like me, with death stalking me, whatever I may have on my mind.”

В семнадцатой главе повторяется обращение из первой главы. Бахарев снова называет Сергея *голубчиком*. Перевод несколько отличается. В первой главе Василий говорит *dear*, а в этой *dear boy*.

–Умру спокойно теперь... да, голубчик. Утешил ты меня... Спасибо, спасибо...

“I’ll die content now. Yes, dear boy, you’ve put my mind at rest. Thank you.”

Итак, семнадцатая глава завершает первую часть романа. В ней содержится двадцать обращений.

Подводя итоги, можно сказать, что самым частым приемом перевода в первой части было опущений. В большинстве случаев опускались имена-отчества персонажей, они и занимают большую часть обращений в тексте. Совсем в редких случаях отчества все же оставались в английской версии.

Поскольку в английском отсутствуют уменьшительно-ласкательные суффиксы, имена при переводе оставались в своей полной форме.

В первой части присутствует небольшое количество ласковых, фамильярных прозвищ. Их обычно заменяли обращениями *dear, my dear* или *my boy/daughter*.

Итак, основные персонажи используют следующие обращения:

- Сергей Привалов обращается к матери Веры и Надежды Бахаревых как к «Марье Степановне»;
- Василий Назарыч обращается к Сергею Привалову как к «Серёже» или «Сергею Александровичу»;
- Надежда Бахарева обращается к родителям как к «маме» и «папе»; Александровичу»;

- к Вере обращаются как к «Верочке» или «козочке/козе»;
- к Надежде большинство обращается как к «Nadine»;
- к Хионии Заплатиной обращаются как к «Хионии Алексеевне»;
- к Николаю Верёвкину обращаются как к «Nicolas»;
- Василий Бахарев обращается к Марье Бахаревой исключительно как к «Маше».

2.3. Обращения во второй части романа

Во второй части романа персонажи обращаются друг к другу по-разному в зависимости от статуса, возраста, пола и личных отношений [46].

Итак, первая глава начинается с беседы (уже известной читателю) Хионии Заплатиной и Агриппины Верёвкиной.

Как и большинство персонажей в романе, женщины обращаются друг к другу по имени-отчеству.

– *Ах, если бы вы только видели, Агриппина Филиппьевна! – закатывая глаза, шептала Хиония Алексеевна.*

– *Не ошиблась?! А вы спросите меня, Агриппина Филиппьевна, чего это стоит!*

“Oh, if you had only seen it,” Khiona Zaplatina whispered, rolling her eyes.

“Take him in? Why don’t you ask what it cost me, my dear?”

В первом случае имя-отчество было опущено, во втором заменено на привычное *my dear*.

Также были переведены следующие два обращения из остальных десяти.

– *Да просто глупость, Хиония Алексеевна...*

“Simply stupid, my dear.”

– *Ах, вы, Хиония Алексеевна, кажется, совсем помешались на своем Привалове... Помилуйте, какое может быть отношение, когда брат просто глуп? Самая обыкновенная история...*

“Oh, my dear, you’ve lost your mind with that Privalov. What connection can there be? My brother Oscar’s just a simple fool. It’s the usual story.”

В переводе некоторых реплик были сохранены имена героинь, к методу транслитерации переводчик прибегает нечасто.

– Конечно, он вам зять, – говорила Хиония Алексеевна, откидывая голову назад, – но я всегда скажу про него: Александр Павлыч – гордец... Да, да. Лучшие не защищайте его, Агриппина Филиппьевна.

“He’s your son-in-law,” Khiona would say, throwing back her head, “but I’ll always say he’s a snob. Yes. Don’t stand up for him, Agrippina.”

– Хотя Александр Павлыч и зять вам, Агриппина Филиппьевна, но я очень рада, что Привалов поубавит ему спеси...

“Polovodov may be your son-in-law, Agrippina, but I’m terribly happy Privalov will deflate him a bit.”

– Вы знаете, Хиония Алексеевна, что я никогда не вмешиваюсь в дела Nicolas, – это мой принцип.

“You know, Khiona, that I never meddle in my son’s affairs. That’s my principle.”

– Нет, Хиония Алексеевна, позвольте вам заметить, – возражала с достоинством Агриппина Филиппьевна...

“No, Khiona,” Agrippina interrupted her haughtily.

Хиония Заплатина любит вставлять французские выражения в свою речь. В этой главе она называет Агриппину *mon ange*, это словосочетание уже встречалось в первой главе. Как и все французские фразы, сказанные Заплатиной на протяжении всего романа, данное обращение также осталось неизменным в переводе.

– Пустяки, пустяки... Я знаю, что это дело Ляховского, а ваш Nicolas обманывает. Ведь я знаю, *mon ange*, зачем Nicolas приезжал тогда к Привалову...

“Nonsense, nonsense,” Khiona said, “I know it’s Lyakhovsky’s handiwork. Nicolas is fooling you. I know, mon ange, why Nicolas called on Privalov.”

Большая часть главы посвящена биографии Верёвкиной, как она познакомилась с Заплатиной, как вышла замуж и как стала матерью.

Общее количество обращений – семнадцать примеров.

В главе всего два действующих лица, поэтому большого разнообразия обращения в ней нет.

Основной персонаж второй главы – Привалов.

Николай Веревкин (первенец Агриппины Филипповны и местный адвокат) – еще один персонаж, взаимодействующий с Приваловым во второй главе, когда тот наносит ему визит. Как и в предыдущей части он обращается к нему уважительно, строго по имени-отчеству.

Я сейчас, Сергей Александрыч... Обождите единую минуточку.

“Every time I put on my coat all thoughts leave my mind. I won’t be a minute.”

В английском переводе данное обращение данное обращение опустили, Веревкин обратился к персонажу на Вы.

Но так как по сюжету они являются друзьями, которые знакомы не один год, Николай называет Сергея не только по имени-отчеству. При первом обращении он называет друга *батенькой*.

– Уж вы извините меня, батенька, – комично оправдывался Веревкин, подхватывая Привалова под руку.

“You’ll have to excuse me,” he apologized comically, taking Privalov by the elbow.

Такое же обращение встречается в первой части романа, когда Веревкин первый раз появляется в сюжете. В данной главе *батенька* снова было опущено.

В остальных местах перевод имени-отчества сохраняется.

–Здесь свои... Сергей Александрыч, рекомендую: мой родитель, развинтился плотию, но необыкновенно бодр духом.

This is a friend – Sergei Alexandrovich. My father, a bit weak in flesh, but a regular Goliath in spirit.

Однако своего отца Николя называет *папахен*, что может свидетельствовать о их семейной близости.

– *He别别别别别, papaхен: Sergei Alexandrovich веде хорошо знает, что у нас с тобой нет миллионов...*

В переводе смысл данной клички теряется. Сын обращается к отцу более сдержанно.

– *Don't be alarmed, Father. Sergei Alexandrovich knows perfectly well that you and I aren't millionaires...*

В тексте можно увидеть ещё пять примеров данного обращения.

– *Это ты, papaхен?.. Водки хочешь, papaхен?*

“Is that you, Father? Want some vodka, Father?”

– *Ну, papaхен, ты как раз попал не в линию; у меня на текущем счету всего один трехрублевый билет...*

“You've come at the wrong time, Father,” Nicolas replied.

– *Да, да, papaхен; мы с тобой вообще много страдаем от людской несправедливости... Так ты водки не хочешь, papaхен?*

“Aye, Father; you and I, we always seem to get the worst of a bargain, don't we?” Nicolas laughed. “Would you like some vodka?”

Только в одном из пяти случаев обращение *papaхен* было опущено.

Сам же отец называет сына *Nicolas*, как и все персонажи в романе.

– *А я было зашел к тебе, Nicolas, по одному делу...*

“I dropped in on a little business, Nicolas.”

В переводе обращение не подверглось трансформациям. Зачастую реплики, изначально написанные не на русском, переводчик оставляет нетронутыми.

На этом заканчивается вторая глава. Она насчитывает девять обращений.

Третья глава переносит действия в гостиную, где Привалов встречается Агриппину Филиппьевну. Верёвкин обращается к матери по-немецки. Это первое иностранное обращение (в романе), взятое не из французского языка.

– *Мы, мутерхен, насчет кофеев, – объяснил Nicolas, грузно опускаясь в кресло.*

“We’ve come to guzzle coffee, Mother,” Nicolas explained, slumping into an armchair.

Мутерхен (с нем. «маменька») – ласковое обращение к матери. Изначально немецкое слово, но написанное на русском, было заменено на нейтральное *Mother*.

Николай продолжает знакомить Сергея с обитателями дома, показывая ему своего младшего брата.

– Обратите внимание, Сергей Александрыч, на это произведение природы, – говорил Nicolas, принимая Вадима к себе на руки. – Ведь это мой брат Вадишка...

“Take a look at this work of nature,” Nicolas said, taking Vadim in his arms. “My littlest brother.”

Отчество Привалова было опущено в переводе.

Далее следуют ещё два обращения. Агриппина Филиппьевна реагирует на слова сына, и он обращается в ответ.

– Ах, Nicolas, – кокетливо отозвалась Агриппина Филиппьевна, – ты всегда скажешь что-нибудь такое...

– Я, кажется, ничего такого не сказал, мутерхен, – оправдывался Nicolas, высоко подбрасывая кверху «произведение природы», – иметь младших братьев в природе вещей...

“Oh, Nicolas,” his mother cooed archly, “you do say thing's.”

“ I don’t think I’ve said things, Mother,” Nicolas protested, throwing the “work of nature” up in his arms. “ It’s in the scheme of things to have littlest brothers.”

Обращение *Nicolas* было оставлено, как и в прошлый раз. В переводе Верёвкин снова употребляет *Mother*.

Кроме того, во третьей главе романа присутствуют и другие персонажи, которые также обращаются друг к другу по именам и отчествам. Например, Аника Панкратыч Лепешкин, пожилой золотопромышленник, который приходит в гости к семье Агриппины Филиппьевной и, обращаясь к хозяйке,

называет её *матушка*, что может свидетельствовать о дружеских, теплых отношениях.

– *Не укушу, Агриппина Филиповна, матушка...*

В переводе использовали слово не близкое по значению, но обладающее схожей эмоциональной окраской. Имя и отчество опять были опущены.

– *I don't bite, dear...*

В переводе обращений к самому Лепешкину была применена схожая тактика, когда Иван Яковлич просил у него денег.

– *Голубчик, Аника Панкратыч, выручи, – умолял Иван Яковлич, загнав Лепешкина в самый угол.*

“Dear, dear Lepyoshkin, help me out,” Ivan Veryovkin pleaded, driving his companion into a corner.

– *Голубчик, Аника Панкратыч, не ломайся...*

“Don't make difficulties,” old Veryovkin fought back.

– *Аника Панкратыч, голубчик!..*

– *Lepyoshkin, my dear boy!*

Имя-отчество было заменено фамилией, а в одном из трёх случаев опущено. Голубчик заменено на *my dear boy/dear*.

Когда Аника Панкратыч отказывается давать деньги в долг, Верёвкин не выдерживает и оскорбляет его.

– *Ах, старый черт!.. – застонал Иван Яковлич, схватившись за голову.*

– *Ведь всего двести рублей... ломается...*

“Oh, you old buzzard!” Ivan Veryovkin groaned, holding his head. “Just two hundred—making difficulties.”

Old buzzard можно перевести как «старый скряга», но зачастую оно переводится как *старый чёрт*.

Сам Лепёшкин называет Ивана по-разному. В первый раз с насмешкой, в следующие разы уже по имени-отчеству.

– Знаем мы вашу неделю, ваше преподобие, – грубо отвечал Лепешкин, вытирая свое сыромятное лицо клетчатым бумажным платком. – Больно она у тебя долга, Иван Яковлич, твоя неделя-то.

“Don’t I know how long your week is?” Lepyoshkin replied gruffly, wiping his bloated face with a checkered cotton handkerchief. “It’s much too long, Ivan, that week of yours.”

Во всех репликах, адресованных Верёвкину, остаётся только имя. Отчество опускается.

– Вот бы нам с тобой, Иван Яковлич, такую уйму денег... а?

“What we wouldn’t do, you and I, if we had all that money, eh, Ivan?” Lepyoshkin continued.

Только в одном случае имя-отчество Лепёшкина было опущено.

– Как вы меня испугали, Аника Панкратыч...

“Oh, how you frightened me!”

Остальных персонажей мужского пола он называет *отцами* [с. 109]. Поскольку в английском нельзя называть знакомого мужчину отцом, обращение пришлось заменить в переводе.

– Ох, уморился, отцы!

“Oh, I’m rooped out, my good people.”

My good people в данном контексте может переводиться как «почтеннейшие» [78, с. 573].

Во втором случае эту фразу было решено опустить в переводе.

– Ох, изморился я, отцы... Жарынь!.. Кваску бы испить, Аграфена Филиппьевна?..

“Oh, I’m rooped out. It’s hot! I’d love some kvass.”

В данной реплике присутствует ещё одно обращение, но уже к другому персонажу. Лепёшкин называет Агриппину Филиппьевну *Аграфеной Филиппьевной*. Именно такая форма данного латинского имени встречается в русских летописях.

В третьей главе появляется ещё один новый персонаж. Алла, дочь Верёвкиной присоединяется к беседе. Мать зовет её по имени, не добавляя уменьшительно-ласкательных суффиксов. В переводе её имя остаётся прежним, переводится при помощи транслитерации.

– Алла, принеси Анике Панкратычу квасу, – прибавила она. – Он так всегда балует тебя.

“Alla, bring Mr. Lepyoshkin some kvass,” she added. “He’s always so good to you.”

Только Хиония Заплата не обращается к ней по имени, называя её *mon ange* (как и многих других персонажей).

К Привалову в данной главе все обращаются исключительно по имени-отчеству.

– Какое прекрасное семейство Бахаревых, – сладко закатывая глаза, говорила Хиония Алексеевна, – не правда ли, Сергей Александрыч?

“The Bakharevs are a fine family!” Khiona said, screwing up her eyes ecstatically.

– А мы и о вас наслышаны были, Сергей Александрыч. Хоть и в лесу живем, а когда в городе дрова рубят – и к нам щепки летят.

“Heard about you too, sir. We may be living in the woods, but when they’re chopping wood in town splinters happen to fly our way too.”

Интересен перевод обращения в последней реплике. Первый раз за весь роман Привалова называют *sir* (то есть сером).

Итак, в конце главы Николай и Сергей собираются уходить. Верёвкин прощается с матерью и Заплатиной.

– Ну, теперь дело дошло до невест, следовательно, нам пора в путь, – заговорил Nicolas, поднимаясь. – Мутерхен, ты извинишь нас, мы к славянофилу завернем... До свидания, Хиония Алексеевна. Мы с Аникой Панкратычем осенью поступаем в ваш пансион для усовершенствования во французских диалектах... Не правда ли?

“Well, if they’ve started talking about girls it’s high time for us to go,” Nicolas declared. He rose from his chair. “Mother, you’ll excuse us. We’re going to visit Polovodov. Well, good-bye everybody. Khiona, will you let Lepyoshkin and myself join your boarding-school this autumn to polish up our French?”

Мутерхен и в данном случае было переведено как *Mother*. А Хионию Николай называет по имени.

Привалов тоже прощается со всеми, обещая Агриппине снова прийти. Верёвкин снова обращается к матери.

– Нет, я непременно буду у вас, Агриппина Филипьевна, – уверял Привалов, совершенно подавленный этим потоком любезностей.

– Он непременно придет, мутерхен, – уверял Nicolas.

“No, no. I’ll come again, I assure you,” Privalov declared, somewhat taken aback.”

“He’ll come for sure, Mother,” Nicolas intervened.

Имя Верёвкиной опускается.

Когда они уходят, Лепешкин начинает восклицать, почему у него самого нет такого богатства.

– Четыре миллиона наследства заполучил... а? Нам бы хоть понюхать таких деньжищ... Так, Оскар Филипыч?

Первый раз к Оскару Верёвкину обращаются по имени-отчеству в данной главе. Переводчик же оставил только имя.

“An inheritance of four millions, eh? If we could only have a whiff of all that money! Eh, Oscar?”

Третья глава заканчивается. Она содержит двадцать одно обращение. В ней присутствует немалое количество обращений, которые ещё не встречались в романе. То же можно сказать и про перевод этих обращений (например, Сергей Александрыч – *sir*).

Четвёртая глава совсем небольшая по объёму, но насчитывает двенадцать обращений.

Николай и Сергей едут в гости к Половодову, но перед этим сталкиваются с группой мужчин, с которыми знаком Верёвкин.

– Завтра, завтра... Видите, что сегодня мне некогда! – говорил Веревкин, помогая Привалову сесть в свою довольно подержанную пролетку, заложенную парой соловых вяток на отлете... – Завтра, братцы...

– Миколай Иваныч, заставь вечно бога молить!.. – громче всех кричал кривой мужик, бросая свою рваную шапку оземь. – Изморились... Ослобони, Миколай Иваныч!

Это первые персонажи, которые называют его по-русски. Они употребляют просторечную форму его имени. А сам Николай называет их *братцами*. По их репликам становится понятно, что они простые крестьяне. В переводе Верёвкин называет мужчин «своими людьми», а те обращаются к нему «сэр».

“Tomorrow—tomorrow. Can’t you see I’m busy?” Veryovkin was saying as he helped Privalov into his battered carriage drawn by a pair of bays. “Tomorrow, my men!”

“Give us cause to pray for you,” the one-eyed muzhik shouted louder than the others, throwing his torn cap to the ground. “We can’t bear it any longer. Free us, sir !”

Приехав к Половодову, они сначала встречают слуг, а затем хозяина дома. Николай своим надменным поведением даёт понять, что Половодов не является его близким другом.

– Послушай, Александр, я задыхаюсь от жары; веди нас скорее куда-нибудь в место не столь отдаленное, но прохладное, и прикажи своему отроку подать чего-нибудь прохладительного... У меня сегодня удивительная жажда... Ну, да уж я сам распоряджусь. Эй, хлопче, очищенной на террасу и закусить чего-нибудь соленького!.. Сергей Александрыч, идите за мной.

“Listen, Alexander, I’m simply boiled; take us somewhere not too far away where it’s cool, and have something refreshing brought to us. I have a prize thirst

today. Oh, well, let me take care of things myself. Hey, man, bring some vodka to the terrace and some pickles. Sergei Alexandrovich, follow me!”

В данной реплике можно увидеть целых три обращения. В начале он обращается к Половодову, называя его только по имени, затем к слуге и к Привалову. В переводе обращение к хозяину дома не изменяется, также остаётся и отчество Сергея. А *хлопче* заменяется на *man*, которое может переводиться по-разному в зависимости от контекста. В данном случае гость пренебрежительно обращается к человеку, поэтому ближайшим переводом будет «приятель», что имеет схожую эмоциональную окраску с *хлопче*.

Александр обращается к Верёвкину по имени (на французский манер), которое не изменяется в переводе.

– Nicolas, кто же пьёт теперь водку? – вступился Половодов, придвигая Привалову какую-то кружку самой необыкновенной формы.

“Nicolas, this isn’t the time for vodka,” Polovodov intervened, pushing a quaintly shaped cup towards Privalov.

К Привалову он обращается строго по имени-отчеству. В данной главе можно увидеть три примера такого обращения.

– Вот, Сергей Александрыч, попробуйте лучше кваску домашнего приготовления...

“Here, Sergei Alexandrovich, better try some homebrewed kvass.”

– Я так рад видеть вас наконец, Сергей Александрыч, – говорил Половодов, вытягивая под столом свои длинные ноги.

“I’m so happy to see you at last,” Polovodov said. He stretched his long legs under the table.

– А ведь согласитесь, Сергей Александрыч, в славянофильстве, за вычетом неизбежных увлечений и крайностей в каждом новом деле, есть, несомненно, хорошие стороны, известный саморост, зиждительная сила народного самосознания...

“But you must agree, Sergei Alexandrovich, that apart from the inevitable excess of zeal and extremism so typical of any new movement Slavophiles have their good side—a sense of progress, the vital force of popular self-edification.”

В двух из трех случаев имя-отчество было сохранено.

Верёвкин продолжает называть Половодова только по имени.

– Если это ты в мой огород метишь, – напрасный труд, Александр...

“If you’re throwing stones at me, it’s so much labour lost, Alexander.”

Nicolas laughed.

– Вот это хорошо сказано... Ха-ха! – заливался Веревкин, опрокидывая голову назад. – Ну, Александр, твои курсы упали...

“Well said, ha-ha-ha!” Veryovkin, jubilant, threw back his head. “Well, Alexander, your stocks are falling.”

На этом заканчивается четвёртая глава. Половодов становится вторым персонажем (после Верёвкина), чье обращение к Привалову по имени-отчеству сохраняется в переводе.

Обращение в пятой главе можно увидеть уже в первой строчке.

В этой главе присутствует уже вся семья Половодовых. Обращение к Антониде Ивановне Половодовой было переведено с помощью функционального эквивалента.

– Тонечка, голубчик, ты спасла меня, как Даниила, сидящего во рву львином!

– Tony, darling, you’ve delivered me. I’m like Daniel thrown into the lions’ den!

На протяжении всей главы Николай ещё пять раз назовёт Антониду Тонечкой. Всего в одной реплике обращение будет опущено.

– Представь себе, Тонечка, твой благоверный сцепился с Сергеем Александрычем, и теперь душат друг друга такой ученостью, что у меня чуть очи изо лба не повылезли...

“Just imagine, your spouse is locked in verbal battle with Sergei Alexandrovich, and the two are now bombarding each other with learned phrases. My head is simply reeling!”

В остальных случаях он называет её *Tony*.

– *Тонечка, представляю тебе нашего дорогого гостя, – рекомендовал Половодов своей жене Привалова.*

“Tony, allow me to present our dear guest,” Polovodov turned to his wife, introducing Privalov.

– *Тонечка, покорми нас чем-нибудь!...*

“Tony, dear, let’s have something to eat!”

– *Где-то у тебя, Тонечка, был этот ликерчик...*

“You had another liqueur, Tony.”

– *Только, пожалуйста, Тонечка, не включай меня в число этих «ваших мужчин».*

“Just leave me out, Tony.”

В главе появляется новое обращение. Половодов называет своих гостей *господами*.

– *Господа, рекомендую... Фаршированный калач...*

“Gentlemen, attention! Stuffed loaf.”

Шнеерсон подобрал эквивалентное слово в переводе.

В главе всего четыре действующих лица, каждый из них обращается к Привалову по имени-отчеству.

Половодов:

– *Когда мы с вами будем у Ляховского, Сергей Александрыч, – прибавил он, – я познакомлю вас с Софьей Игнатьевной...*

“When you and I call on Lyakhovsky, Sergei Alexandrovich,” he added turning to Privalov, “I’ll introduce you to Zosya.”

– *Как хотите, Сергей Александрыч.*

“As you please, Sergei Alexandrovich”

– Вообще я так рад, что вы, Сергей Александрыч, наконец здесь и сами увидите, в каком положении дела.

“I’m terribly happy that you’ve come at last, Sergei Alexandrovich, to see for yourself.”

Антонида Ивановна:

– Мы будем ждать вас, Сергей Александрыч...

“We’ll expect you, Sergei Alexandrovich.”

Верёвкин обращается к Привалову не только по имени-отчеству, в последней строчке главы он снова называет друга *батенькой*. Оно было опущено в английской версии.

– Вот ужо в следующий раз я ее попрошу. Пальчики, батенька, облизеешь!

“I’ll ask her to sing next time. It’ll give you no end of pleasure!”

В других случаях он обращается нему как все остальные персонажи.

– Не выдержало сердечко? Ах, эти дамы, эти дамы, – это такая тонкая материя! Вы, Сергей Александрыч, приготовляйтесь...

“Those women! They’re delicate stuff! Watch out, Sergei Alexandrovich, it’ll come now.”

В главе присутствуют ещё два обращения. Когда Привалов и Половодов беседуют наедине, Сергей просит отложить дела на время. Это был первый раз, когда Половодова назвали по имени-отчеству.

– Нельзя ли в другой раз, Александр Павлыч? – взмолился Привалов, чувствовавший после обеда решительную неспособность к какому-нибудь делу.

“Perhaps some other time?” Privalov pleaded, averse to talking business after the sumptuous dinner.

Обращение к Александру было опущено.

Последний пример – это обращение Антонида к Николаю. Она называет его также, как и все остальные. Оно снова остаётся нетронутым в переводе.

– Я ничего не говорю про тебя, Nicolas, Sophie не обращает на тебя никакого внимания, вот ты и злишься...

“I can say nothing about you, Nicolas. Zosya ignores you, and you’re furious.”

Пятая глава закончена. Она содержит шестнадцать обращений, но шесть из них повторяет имя Половодовой. Можно сказать, что большим разнообразием обращений глава не обладает, хотя в ней находится то, которого нет в предыдущих главах (господа).

Начало шестой главы посвящено раскрытию личности Половодова и его отношениям с женой. Он тоже называет её *Тонечкой*.

– Тонечка... как ты нашла Привалова?

“Tony, darling, how did you like Privalov?”

В переводе он ласково называет её *darling* («дорогая»). Такое обращение зачастую именно супруги адресуют друг другу.

Во второй реплике оно уже отсутствует.

– Послушай, Тонечка: сделай как-нибудь так, чтобы Привалову не было скучно бывать у нас.

“Listen, Tony, try and make Privalov like being at our house.”

Далее к Половоду приходит Оскар Филипыч, и их беседа продолжается до конца главы. Они называют друг друга по имени-отчеству.

– О, моя рыбка еще гуляет пока я воде... Да!.. Нужно терпение, Александр Павлыч...

“Oh, it’s still loose in the water. Aye! Patience, Alexander, patience is the thing.”

– Мне кажется, что вам, Александр Павлыч, выгоднее всего иметь поверенного в Петербурге.

“It seems to me, Alexander, that you ought to have a solicitor of your own in Petersburg.”

– А если я вам Александр Павлыч, шаг за шагом расскажу, как мы сначала устраним от дел Ляховского...

“And what if I tell you, Alexander, that we shall gradually do away with Lyakhovsky”

– *Из любопытства, Александр Павлыч, из любопытства.*

“Mere curiosity, Alexander—mere curiosity.”

– *Это уж ваше дело, Александр Павлыч.*

“That’s your own concern, Alexander.”

В переводе данных реплик было оставлено только имя персонажа. В некоторых случаях и имя, и отчества опускались.

– *Для чего вы хлопчете, Александр Павлыч...*

“Why go to all this bother.”

– *Позвольте, Александр Павлыч...*

“Allow me.”

Половодов к Оскару обращается двумя способами. Во-первых, называет того по имени-отчеству.

– *Я вам не верю, Оскар Филипыч.*

“I don’t trust you, Uncle Oscar,” Polovodov replied.

– *Оскар Филипыч, да это гениальная мысль!..*

“Stupendous!” Polovodov ejaculated, embracing Uncle Oscar.

Не хотите ли чаю или квасу, Оскар Филипыч?

“Well, tit for tat. Would you like some tea, or kvass, Uncle?”

– *Ну-с, Оскар Филипыч, расскажите, что вы думаете о самом Привалове?*

“Well, Uncle Oscar, tell us what you think of Privalov”

– *Понимаю, понимаю и понимаю, дорогой Оскар Филипыч.*

“I understand, dear Uncle. I understand everything.”

Переводчик не стал оставлять отчество, заменив его на *Uncle*. Таким образом, в английской версии Половодов называет Верёвкина «дядей Оскаром».

Во-вторых, он и в оригинале того дядей, точнее дядюшкой.

– *Дядюшка, вы золотой человек!*

“You’re a brick, Uncle Oscar.”

– *Для вас, дорогой дядюшка, для вас хлопочу: вы мне открыли глаза, — Я просто мальчишка перед вами, дядюшка... Частицу вашей мудрости — вот чего я желаю! Вы, дядюшка, второй Соломон!..*

– *Надеюсь, что мы с вами сойдемся, дорогой дядюшка...*

“I hope we’ll find a common tongue, dear Uncle.”

Оба обращения Шнеерсон переводит одинаково. Получается, что в английской версии Оскар либо *Uncle Oscar*, либо *dear Uncle*.

На их разговоре заканчивается шестая глава. Она содержит двадцать одно обращение. Но большого разнообразия в ней нет, ведь большую её часть составляет диалог двух лиц.

Седьмая глава полностью посвящена внутренним мыслям Половодова. Он вспоминает план Оскара Верёвкина, думает как его воплотить в реальность. Нужно найти женщину, которой заинтересуется Привалов, и в случае чего не уедет в Петербург. Александр долго перебирает имена в голове, попутно восхваляя свои аналитические способности. Незаметно для себя на протяжении всей главы он попивает вино и концу начинает пьянеть. Слыша его рассуждения, Антонида находит мужа пьяным в своём кабинете. Именно её он выбирает на роль такой женщины. Он продолжает называть её *Тонечкой*.

– *Да я, Тонечка... Ох-ха-ха!.. Уморил меня этот... этот дядюшка...*

“Myself—ha, ha, ha! He’s given me a laugh, that Uncle of ours.”

Это обращение было опущено в переводе. Оно же является единственным во всей главе.

Действия в восьмой главе происходят на следующий день. Сергей собирается в дорогу, как вдруг к нему приезжает Виктор Бахарев и зазывает к в гости со свойственной ему фамильярностью.

– *Значит, едем? Только для чего ты во фрак-то вытянулся, братец...*

“So we’re going? But why did you put on your tail-coat?”

– *Ну, брат, не ври, меня не проведешь, боишься родителя-то?*

“Don’t lie. It’s no good. You’re afraid of the old man, eh?”

В переводе это дружественное обращение было опущено.

Привалов соглашается снова посетить дом Бахаревых, и они приезжают. Тут же Сергея начинает отчитывать Марья Степановна, почему он так долго к ним не заезжал. Ему приходится оправдываться.

– *Но мне, Марья Степановна, было слишком тяжело все это время...*

“But I’ve been having a bad time of it these days.”

Привалов обращается к Бахаревой только по имени-отчеству. В переводе это обращение всегда опускается. В главе есть ещё один пример, доказывающий это.

– *А чем он плох, Марья Степановна?*

“What’s wrong with him?”

Сама Бахарева в этой называет Сергея только *голубчиком*. Становится понятно, что Марья Степановна соскучилась, ведь он так давно их не навещал.

– *Знаю, что тяжело, голубчик.*

“Yes, I know how you feel, dear boy”

– *Да я его не хаю, голубчик, может, он и хороший человек для тебя, я так говорю.*

“Oh, I’m not saying anything’s wrong, and he may be a suitable man for you, that’s what I say.”

Голубчик довольно частое обращение к Привалову. Бахарев уже называл его так несколько раз в первой части. И Бахарев, и Бахарева говорят *dear boy* в английской версии. В некоторых случаях оно опускается.

Сергея встречает всё семейство включая Досифею. Служанка тоже пытается поговорить с Приваловым, но так как она немая, ей приходится указывать на всё жестами. Впервые за весь роман к ней обращаются по имени.

– *Ну, ну, Досифеюшка, не сердись...*

“There, there, Dosifeya, compose yourself.”

В переводе остаётся полная форма имени без дополнительных прилагательных, которые могли бы заменить уменьшительно-ласкательный суффикс.

Интересное обращение встречается в конце главы. Виктор называет младшую сестру *радугой*.

– *Ну, ты, радуга, разве можешь что-нибудь понимать?*

“You there, Rainbow,” Victor snapped at her, “keep your nose out of this.”

Шнеерсон не стал искать функциональный эквивалент, оставив в тексте прямой перевод обращения.

Последнее обращение в главе произносит Вера, когда обращается к матери.

– *Мама, да Зося никогда и не говорит с Витей, – вмешалась в разговор Верочка.*

“Mother,” Vera joined in, “Zosya never even talks to Victor.”

Перевод обращения к матери не изменяется на протяжении всех глав. *Мама* всегда переводится как *Mother*.

Итак, восьмая глава содержит девять обращений. Повторяющиеся обращения практически отсутствуют.

Девятая глава посвящена раскрытию отношений Сергея и Надежды. Большую часть текста занимают их диалоги. Привалов уважительно относится к старшей дочери семейства, называя её только по имени-отчеству.

– *А по-вашему. Надежда Васильевна, прав Костя или нет?*

“Do you think Konstantin was right?”

– *Нет, я на это не надеюсь, Надежда Васильевна.*

“No, I’m afraid he won’t.”

В двух случаях имя-отчество Бахаревой было опущено. В третьем гость называет её *Nadine*. Именно так ей имя звучит в английской версии, так называет её другие персонажи.

– *Скажите, пожалуйста, Надежда Васильевна, только одно, – спрашивал Привалов, – когда и как вы успели передумать столько?*

“Tell me just one thing, Nadine,” Privalov said, “when and how did you come to think of all this?”

Надежда, обращаясь к Привалову, тоже называет его по имени-отчеству, хотя происходит это очень редко.

– *Да везде эти диссонансы, Сергей Александрович, и вы, кажется, уже испытали на себе их действие.*

“It’s everywhere—the dissonance, and you’ve already experienced it on your own person, it seems.”

За весь диалог она произносит полное имя Привалова всего один раз. Переводчик не оставил его в английской версии.

Долгое развитие отношений между молодыми людьми не нравится Марье Бахаревой. Она пытается вывести на разговор Надежду, но та не соглашается с её доводами. В этом месте читатель видит первое обращение в главе.

– *У Ляховских, мама, в преферанс не играют, а говорят, когда хочется и что хочется.*

“But they don’t play preference, and talk when they please and what they please.”

В этом фрагменте перевода отсутствует обращение к матери, но оно не было опущено, а перенесено в следующую реплику.

– *Вы знаете, почему я не еду к ней.*

“You know why yourself, Mother.”

Марья Степановна обсуждала эту ситуацию не только с дочерью, но и с Павлой Ивановной. Та в свою очередь успокаивала Бахареву.

– *Девичье дело, Марья Степановна...*

“It’s the girl’s own affair, Marya,” Pavla Kolpakova would say.

Колпакова одна из немногих персонажей, которые называют Бахареву по имени в переводе. В таких случаях переводчик опускает отчество.

В главе появляется новый персонаж, доктор Сараев. Привалов вспоминает этого человека.

– *Я тоже не забыл вас, Борис Григорьевич, – отвечал Привалов, – и сейчас бы узнал, если бы встретил вас.*

“I haven’t forgotten you either,” Privalov replied, “and would even have recognized you if I had met you in the street.”

Поскольку имя-отчество Сараева в переводе было опущено, иностранный читатель в этой главе узнаёт только его фамилию.

Надежда называет гостя *доктором*.

– Вы, доктор, сегодня, кажется, не в духе? – с улыбкой спрашивала Надежда Васильевна.

“You seem to be out of sorts today, doctor,” Nadine said with a smile.

Это было последнее обращение в девятой главе. Всего их восемь. С появлением нового персонажа, появляется новое обращение.

Решившись поехать к Ляховским, Привалов едет за Половодовым, но не застаёт его дома. Гостя встречает хозяйка дома.

– Сергей Александрыч, куда же вы так бежите? – окликнул его голос Антонида Ивановны.

“Why hurry, Sergei Alexandrovich?” Antonida’s voice reached him.

Антонида Половодова становится третьим персонажем, называющим Привалова по имени-отчеству в английской переводе.

В этой главе можно увидеть второе докозательство данного утверждения.

– Нет, это я так болтаю, Сергей Александрыч.

“Ha-ha, Sergei Alexandrovich, I was only joking.”

Сергей Александрович тоже называет её по имени-отчеству, но

– Я, кажется, помешал вам, Антонида Ивановна?

“I seem to have interrupted your playing?”

– Помилуйте, Антонида Ивановна, – мог только проговорить Привалов, пораженный необыкновенной любезностью хозяйки.

“Heaven forbid,” Privalov exclaimed, taken aback by his hostess’s extraordinary cordiality.

Ни один персонаж не назвал Половодову по имени-отчеству в переводе. Шнеерсон всегда опускает его.

Два последних обращения можно увидеть в конце главы, когда возвращается Половодов.

– *Тонечка, ты извини нас с Сергеем Александрычем мы сейчас отправляемся к Ляховскому.*

You'll excuse us, Tony dear, we're going to visit Lyakhovsky."

– *Ах, какой ты, Александр, недогадливый, – лукаво говорила Антониды Ивановна.*

"How dense you are, Alexander," Antonida put in archly."

Для того чтобы обращение к супруге прозвучало ласково и в английском, переводчик добавляет к имени Половодовой *dear*. Перевод имени Половодова остаётся прежним.

Небольшая по размерам десятая глава содержит шесть обращений.

Одиннадцатая глава содержит большое количество (восемнадцать), так как весомую её часть занимают диалоги.

Александр и Сергей приезжают к Ляховскому. Пройдя в дом, они понимают, что тот в своём кабинете. Он спорит с главным управляющим, Альфонсом Богданычем. Половодов приглашает Привалова зайти в кабинет.

– *Пожалуйста, Сергей Александрыч, – проговорил Половодов, распахнув дверь в кабинет.*

"Come in, Sergei Alexandrovich," Polovodov said, flinging the door open.

В английской версии уже устоялась форма перевода имени Привалова, когда к нему обращается Александр Половодов. В главе можно увидеть ещё два примера:

– *Посмотрите, Сергей Александрыч... Ха-ха!.. – заливался Половодов, подводя Привалова к окну.*

"Have a look, Sergei Alexandrovich. Ha, ha!" Polovodov laughed, leading Privalov to the window."

– *Сергей Александрыч, пощадите свою голову!*

"Sergei Alexandrovich, have pity."

И имя, и отчество сохранены.

Ляховский также называет Сергея таким образом. Иногда обращение опускается, иногда остается.

– *Я, право, так рад, так рад вас видеть у себя, Сергей Александрыч...*

“I’m so awfully glad to see you, so awfully glad. We can start right in.”

– *Извините меня, Сергей Александрыч.*

“Excuse me, Sergei Alexandrovich.”

Он становится четвертым персонажем, чье обращение к Привалову сохраняется в переводе.

К самого Ляховскому все присутствующие тоже обращаются по имени-отчеству.

– *Успокойтесь, Игнатий Львович...*

“Compose yourself.”

– *Не то что явится, а уж явился, Игнатий Львович.*

“You don’t have long to wait. He’s here already.”

– *Не беспокойтесь, Игнатий Львович, – успокаивал Половодов, улыбаясь глазами.*

“Don’t bother,” Polovodov reassured him with a merry twinkle in his eye.

– *Да ведь метла, Игнатий Львович, стоит у нас копейку.*

“But a broom isn’t worth more than a kopek,” Polovodov argued.

– *Может быть, вы устали, Игнатий Львович, – проговорил Привалов.*

“Perhaps you’re tired,” Privalov uttered.

– *Чего ж тут не понимать, Игнатий Львович?*

“There’s nothing to understand. It’s all very simple,” Polovodov replied.

Все представленные примеры перевода реплик, адресованных Ляховскому, опускают его имя-отчество. Только в одном месте оно не опущено, но заменено. Слуга называет его *master* («хозяин»).

– *Ничего не ворую... вот сейчас провалиться, Игнатий Львович.*

“May I never leave this spot, master, if I do,” Ilya reported.

Несколько раз Игнатий обращается к обоим гостям, вежливо называя их *господами*.

– *Вы, господа, кажется, курите?*

“D’you smoke, gentlemen?”

В другом месте он называет их *молодыми людьми*.

– *Ах, молодые люди, молодые люди...*

“Ah, young man,” Lyakhovsky reasoned.

Перевод поменял множественное число на единственное. Таким образом, в английской версии Ляховский обращается только к Половодову.

Александр также называет присутствующих господами. В переводе применяется устоявшаяся форма: *господа- gentlemen*.

– *Нет, уж меня увольте, господа, – взмолился Половодов, поднимаясь с места.*

“No, gentlemen,” Polovodov pleaded, rising from his chair.

К Половодову тоже несколько раз обращаются в данной главе.

– *У вас, Александр Павлыч, наверно, регалии...*

“Yours are regalias, I suppose...”

– *Куда же вы, Александр Павлыч? – спрашивал Ляховский с недовольным лицом.*

“Where will you go?” Lyakhovsky asked with annoyance.

Но все обращения к нему опущено. Тоже самое можно сказать про обращение к управляющему.

– *Альфонс Богданыч, Альфонс Богданыч... вы надеваете мне петлю на шею и советуете успокоиться!*

“You’re digging my grave and telling me to compose myself?” Lyakhovsky screamed back.

В середине разговора Половодов решает оставить Ляховского и Привалова наедине. По дороге к комнате дочери Ляховского он встречает горничную. От неё он узнает, кто сейчас у Софьи в гостях. В этом фрагменте можно увидеть последнее обращение в главе. Александр называет служанку *бесенком*.

– *Понимаю, бесенок.*

“You little imp,” Polovodov nodded.

Little imp переводится как маленький чертёнок/бесёнок. Чаще это словосочетание употребляют в значении «шалун» [академик].

На этом заканчивается одиннадцатая глава.

Двенадцатая глава содержит всего два обращения, которые были опущены.

– Мы отложим занятия до следующего раза, Игнатий Львович, – говорил Привалов.

“Let’s put it off,” Privalov suggested.

– Ах нет, зачем же... Мы еще успеем и сегодня сделать кое-что, – упрямылся Ляховский и с живостью прибавил: – Мы вместо отдыха устроим небольшую прогулку, Сергей Александрыч... Да?

“Oh, no, no! We’ll carry on today,” Lyakhovsky insisted, adding briskly, “We’ll take a little walk, eh?”

Игнатий предлагает устроить Привалову небольшую экскурсию. Они гуляют по дому, заходят в сад, конюшню. Сергей вспоминает своё детство и ужасы, которые творились в этом доме.

В тринадцатой главе Привалов наконец знакомится с Софьей Ляховской. Хозяин дома приводит его на террасу.

– Пожалуйста сюда, Сергей Александрыч, – проговорил Ляховский, отворяя перед Приваловым дверь на террасу, которая выходила на двор.

“Come in here, Sergei Alexandrovich,” Lyakhovsky said, motioning, to a verandah.

Обращение к Сергею полностью сохраняется в переводе.

Все внимание гостей было направлено на Софью, а её внимание было направлено на лошадь, с которой в центре двора стоял кучер. Ляховская обращается к нему по имени. Имена без отчества переводятся с помощью транслитерации (так было и с *Верой*, и с *Аллой*, например).

– Илья, короче держи корду! – командовала Ляховская.

“Shorten the cord, Ilya,” Zosya commanded.

Затем девушка обращается уже к коню, подзывая того к себе.

– Ну-с, Тэке, подойди ко мне, – проговорила Ляховская, останавливая лошадь.

“Here, Teck, here,” Zosya shouted, stopping the horse.

Не ясно, является ли Тэке настоящим именем или придуманной кличкой. В переводе было использовано имя *Teck*, которое действительно существует в английском.

К Софье не обращаются только по имени. Например, кучер Илья, не входящий в её социальный класс, называет девушку *барышней* или *Софьей Игнатьевной*.

– Напрасно вы, барышня, лошадь балуете, – проговорил Илья, почесывая за ухом концом веревки.

“Shouldn’t spoil the horse, miss,” Ilya muttered, scratching behind his ear with the end of the cord.

– Берейтор, известно... он, конечно, Софья Игнатьевна, жалованье большое получал...

“The riding master? He got a better salary, but I think I could ride no worse,” Ilya replied.

В первом случае переводчик заменил *барышню* на *miss* (уважительное обращение к девушке). Во втором просто опустил обращение.

К Ляховской обращается также Лепёшкин.

– Да уж так-с, Софья Игнатьевна. Никак не могу-с... Как-нибудь в другой раз, ежели милость будет.

“Well, miss, I can’t stay. Some other time, perhaps, if you’ll be good enough.”

– Как не слышать, Софья Игнатьевна, – отвечал Лепешкин, щуря глаза.
– Другая еще есть пословица-то...

“I—I do,” Lepyoshkin replied, squinting his eyes. ‘But I also know another one.’”

Он уважительно называет девушку по имени-отчеству, которое в первом случае заменено на *miss*, во втором опущено.

В разговоре с гостем дочь Ляховского тоже обращается к нему уважительно.

– *Что же это вы, Аника Панкратыч? – удивилась Ляховская.*

“What are you up to?” Zosya asked in surprise.

– *А слышали пословицу, Аника Панкратыч: «в гостях воля хозяйская...»*

“Don’t you know the proverb that ‘Bad guest reckons without his host’?”

Его имя-отчество тоже было опущено.

Собирающийся уходить из дома Ляховских, Лепёшкин произносит последнее обращение в главе, ругаясь на Виктора и Давида.

– *Ох, поясницу мне изведете, ежовые головы, – хрипел Лепешкин, напрасно стараясь освободиться.*

“Holy cats, my—my lumbago,” Lepyoshkin groaned, making a futile attempt to free himself.

Обращение к мужчинам было заменено на восклицание *holy cats*.

Глава насчитывает десять обращений, семь из которых встречаются в ней впервые.

Наступило время завтрака. Все гости прошли к столу. Привалова пригласил к столу Ляховский, а затем попрощался с ним.

– *Идемте завтракать, Сергей Александрыч, – предлагал Ляховский и сейчас же прибавил: – Я сам не завтракаю никогда, а передам вас на руки дочери...*

“Have lunch with us, Sergei Alexandrovich,” Lyakhovsky said, adding that he himself never had lunch and would turn Privalov over to his daughter’s care.

– *А у меня дела, Сергей Александрыч, извините, пожалуйста, – говорил Ляховский, трусцой выбегая из комнаты.*

“I’ll leave you now, Sergei Alexandrovich; you’ll excuse me – I’ve got things to do,” Lyakhovsky said, sliding out of the room.

Он произносит два первых обращения в четырнадцатой главе. Перевод их сохраняет.

Лепешкин тоже присутствует на завтраке, несмотря на то, что он собирался уходить. Софья обращается к нему (как в прошлой главе).

– Вы что там смеетесь, Аника Панкратыч?

“Why are you laughing, Lepyoshkin?”

– У вас хорошая привычка, Аника Панкратыч, – заметила Ляховская, гремя ножом, – вы говорите то, что думаете...

“Well, at least you have the courage to speak your mind,” Zosya chuckled.

Впервые хозяйка обращается к нему по фамилии. В переводе прошлой главы его имя-отчество опускалось.

В оригинале Софью часто называют Зосей. В английской версии присутствует только эта форма её имени, поэтому в переводе Лепёшкин говорит *Zosya*.

– А оно точно... – ухмылялся Лепешкин, жмуря глаза, – всю обедню бы извели... Уж вы, Софья Игнатъевна, извините меня, старика; тятенька ваш, обнаковенно, умственный человек, а компанию вести не могут.

“Right,” Lepyoshkin grinned. “He’d have made the food stick in my throat. Begging your pardon, Zosya, your father is a clever man but awfully poor company.”

После завтрака Привалов прощается с хозяйкой. Половодов отводит её на разговор.

– На ваш взгляд, Софья Игнатъевна, что за зверь этот Привалов?

“Well, Zosya, what d’you make of him?”

Софья снова заменяется на *Zosya*. А обращение к Александру опускается.

– Меня удивляет ваш тон, Александр Павлыч, – вспыхнув, проговорила Ляховская.

“I resent your tone,” Zosya declared, her face flaming.

На протяжении главы Половодов ещё пять раз обращается к Зосе.

– Видите ли, Софья Игнатъевна, – тихо начал Половодов, – Привалов начинает дело...

“You see, Zosya,” Polovodov began quietly, “Privalov intends to start a lawsuit against us.”

– Я... я хочу слышать ваше мнение о Привалове, Софья Игнатьевна.

“I—I want to know your opinion of Privalov.”

– Плохой комплимент, Софья Игнатьевна... Но я не могу обижаться, потому что меня делает глупым именно ваше присутствие, Софья Игнатьевна.

“That isn’t much of a compliment, Zosya,” Polovodov retorted, “but I mustn’t be offended, because it’s your presence that makes a fool of me.”

– Наше дело может кончиться очень плохо, Софья Игнатьевна.

“We may end up badly, Zosya.”

Поскольку Зося употребляется без отчества в оригинале, переводчик заменяет этим обращением её полное имя. Так, и *Софья Игнатьевна*, и *Зося* заменяются на *Zosya*.

Ляховская ещё дважды обращается к Половодову.

– Мое мнение... Знаете, Александр Павлыч, в лице Привалова есть что-то такое – скрытность, упрямство, подозрительность, – право, трудно сказать с первого раза.

“My opinion? You know, there’s something in Privalov’s face. What it is I can’t say just now—it may be secretiveness, perhaps, or persistence, or suspiciousness.”

– Вы иногда бываете, Александр Павлыч, очень умным и проницательным человеком, – заметила девушка, останавливая глаза на одушевленной физиономии Половодова.

“Sometimes,” Zosya was quick to reply, fixing her eyes on Polovodov’s inspired countenance, “sometimes you can be very clever and penetrating.”

Имя-отчество мужчины снова было опущено. Данные обращения к Половодову были последними в главе. Она содержит четырнадцать обращений, многие из которых повторяются.

Пятнадцатая глава раскрывает отношения в семье Ляховских. В ней впервые упоминается мать Софьи и Давида. Она страдает от алкоголизма. Игнатий переживает за свою дочь, хочет сделать для неё все возможное. Он советуется с доктором. Единственные обращения в этой главе – это реплики, адресованные врачу.

– Благодаря нашему воспитанию, доктор, у Зоси железные проволоки вместо нервов, – не без самодовольства говорил Ляховский. – Она скорее походит на жокея, чем на светскую барышню... Для нее же лучше. Женщина такой же человек, как и мужчина, а тепличное воспитание делало из женщин нервных кукол. Не правда ли, доктор?

“Thanks to our upbringing, doctor, Zosya has wires instead of nerves,” Lyakhovsky would observe with a certain amount of satisfaction. “She’s sooner a jockey than a miss. That’s good. A woman is as human as a man, yet the upbringing she used to get turned her into a nervous doll. Am I right, doctor?”

– Да, доктор... Но войдите в мое положение и скажите, не сделали бы вы то же самое, что я сделал?

! Isn’t that so, doctor? Try to see my point, and tell me whether you’d do what I did.”

Во всех обращениях доктор переводится как *doctor*.

Шестнадцатая глава содержит девять обращений, восемь из которых, повторяющиеся имя-отчество Ляховского.

Кучер Илья приходит к Ляховскому в кабинет.

– Зачем ты пришел, Илья? – спросит Ляховский усталым голосом.

“What d’you want, Ilya?” the master would say in a tired voice.

Илья пришёл за зарплатой. Игнатий, будучи скупым человеком, не мог просто так отдать ему деньги. У них завязывается спор. Кучер не сдаётся.

– А насчет жалованья, Игнатий Львович...

“Salary, master.”

– Не могу знать, Игнатий Львович

“Don’t know, master.”

В первых двух репликах Илья называет Игнатия *master* т.е. хозяином. В остальных случаях имя-отчество Ляховского опускается.

– *Ежели вы, Игнатий Львович, очень сумлевааетесь насчет жалованья, – начинает Илья, переминаясь с ноги на ногу, – так уж лучше совсем рассчитайте меня...*

“If you think it’s too much—the salary, I mean,” he would say, shifting from one foot to the other, “you better let me go.”

– *Другая лошадь бывает, Игнатий Львович... Позвольте насчет жалованья, Игнатий Львович.*

“You come across a horse sometimes that you feed and feed, and it only gets leaner. But what about the salary?”

– *А вы, Игнатий Львович, и возьмите себе чиновника в кучера-то, – так он в три дня вашего Тэку или Батыря без всех четырех ног сделает за восемь-то цалковых. Теперь взять Тэка... какая это лошадь есть, Игнатий Львович? Позвольте, Игнатий Львович, насчет жалов...*

“Well, hire a clerk to drive the coach,” Ilya would argue, “and he’ll do your Teck in, or Batir, for his eight rubles. Take Teck. He’s a tiger. Well, what about the sal...”

С визита в дом Ляховского прошло несколько дней. Привалов встречается с Верёвкиным, который рассказывает ему интересный случай. В этой истории появляется первое обращение.

– *После говорят Ляховскому: «Как же это вы, Игнатий Львович, пяточка пожалели, а целого дома не жалеете?»*

Прохожие спрашивают, почему Игнатий не заплатил за дорогу, чтобы быстрее попасть к своему горящему дому. В переводе прямая речь перешла в косвенную.

Later people asked Lyakhovsky why he grudged the cabby five kopeks and showed so little concern about the house.

Николай снова по-дружески называет Сергея *батенькой*.

– Да тут черт ногу сломит, батенька, – проговорил он после часовой работы.

“The devil himself would break his legs wading through this,” he observed after an hour’s arduous labours.

– Нет, батенька, едемте, – продолжал Веревкин. – Кстати, Тонечка приготовила такой ликерчик, что пальчики оближете. Я ведь знаю, батенька, что вы великий охотник до таких ликерчиков. Не отпирайтесь, будь молодцу не укор. Едем сейчас же, время скоротечно. Эй, Ипат!

“No, no, no. We must go-,” he insisted. “Antonida, incidentally, has brewed a new liqueur that’ll make your mouth water. I know how much you like liqueurs. Don’t deny it, the truth never hurts. Let’s go at once, time doesn’t wait. Hey, Ipat !”

Обращения, адресованные Привалову, были опущены. В последней реплике встречается следующее обращение. Николай зовет Ипата, чтоб тот помог ему одеться. Его имя было передано при помощи транслитерации.

Приехав к Половодову, они пообедали. После обеда Александр квёл Сергея в свой кабинет, а Веревкин остался наедине с сестрой.

Он начал уговаривать Антониду спеть песню, называя её ласковыми словами.

– Тонечка, голубушка, спой эту песню про Волгу, – умолял он.

“Sing the Volga song, Tony, darling,” he pleaded.

– Ну, спой, голубчик.

“Well, won’t you sing for me, dear?”

Прибавив к её имени *darling*, Шнеерсон придает ему такую же эмоциональную окраску как в оригинале. *Голубчик* заменяется на *dear* (по уже устоявшейся формуле).

Вскоре Половодов и Привалов присоединяются к Николаю и Антониде. Александр просит супругу занять гостя.

– Ты, Александр, подвергаешь Сергея Александрыча ничем не заслуженному испытанию, – проговорила Антонида Ивановна, оставляя рояль.

“You’re abandoning Sergei Alexandrovich to an undeserved ordeal,” Antonida said, rising from the piano.

В переводе имя Половодова опускается. Привалов возражает словам хозяйки дома.

– Вы несправедливы ко мне, Антонида Ивановна, – мог только ответить Привалов.

“You’re being unfair,” Privalov could only reply.

– Почему вы думаете, Антонида Ивановна, что я избегаю вашего общества?

“What makes you think I try to avoid your company?” Privalov asked Antonida.

Её имя тоже опускается в прямой речи. Далее Сергей и Антонида остаются наедине. Она начинает жаловаться на жизнь, на мужа.

– Ах, самую простую вещь, Сергей Александрыч... Посмотрите кругом, везде мертвая скука.

“Oh, it’s simple,” she replied. “Look around you. It’s dull and boring everywhere.”

В английской версии имя-отчество Привалова отсутствует. Он отвечает собеседнице. Оба раза её имя было опущено.

– Послушайте, Антонида Ивановна, – серьезно заговорил Привалов.

He replied, “Look here.”

– Вы ошибаетесь, Антонида Ивановна, уверяю вас.

“You’re mistaken,” Privalov pleaded, “I assure you.”

Так, заканчивается семнадцатая глава. Она содержит четырнадцать обращений.

Восемнадцатая переносит действия обратно в дом Ляховских. Почти все знакомые персонажи собрались у Зоси. От неё можно услышать первое обращение.

– Мы вас все будем называть дядюшкой, Оскар Филипыч, – говорила Зося.

“We’ll call you uncle,” Zosya said to him.

Обращение к Оскару в переводе не сохраняется. Помимо него в комнате присутствуют и другие гости. Одним из таких гостей является новый персонаж, Максим Лоскутов. Ляховский рассказывает про него Привалову. Все остальные обращения содержатся в их диалоге.

– Ну, так вы, батенька, ничего не видели; это unicus в своем роде...

“Well, you ought to; he’s a unicus in his way.

Ляховский становится вторым персонажем, который называет Привалова батенькой. Далее в диалоге он снова это делает.

– Это, батенька, целая школа: один такой урок на целую жизнь хватит...

“It’s a real school, I must say. Well, can you imagine?”

В обеих репликах данное обращение опускается.

Оба персонажа называют друг друга по имени-отчеству в диалоге.

– Вы так много насаждали про Лоскутова, Игнатий Львович, что я даже немного начинаю бояться его, – пошутил Привалов.

“You’ve said so much about him,” Privalov intervened, “that you’ve put my wind up.”

– Сергей Александрыч, извините меня... Ха-ха...

“Excuse me, Sergei Alexandrovich, ha-ha-ha,” the old man groaned.

Имя Ляховского опускается, а Привалова нет, ведь Ляховский один из персонажей, чьи обращения к Привалову по имени-отчеству обычно не опускаются.

На знакомстве Сергея и Максима заканчивается восемнадцатая глава. Она содержит пять обращений.

В девятнадцатой главе действия происходят в кабинете Игнатия. Оскар и Александр пришли рассказать ему о своём плане. Всё началось с уговоров.

– Да уж вы, Игнатий Львович, не беспокойтесь, – объяснил Половодов...

“What’s there to worry about?” Polovodov insisted.

– Не беспокойтесь и не сомневайтесь, дорогой Игнатий Львович.

“Have no fears or doubts.”

Имя-отчество Ляховского не сохраняется в переводе реплик Половодова. Игнатий против участия Оскара в их деле.

– Прежде чем объяснить все всякому постороннему человеку, вам не мешало бы посоветоваться со мною, Александр Павлыч, – глухо заговорил Ляховский, подбирая слова.

“Before telling everything to outsiders you’d have done well to ask my advice,” Lyakhovsky muttered hollowly.

– Вы слишком много себе позволяете, Александр Павлыч... я... я.

“I won’t have you speak to me like that,” Lyakhovsky retorted, “I’ll—I’ll...”

Имя Половодова тоже не сохраняется в английской версии. Не выдержав, он переходит на восклицания.

– Э, батенька, перестаньте ломать комедию! – с сердцем перебил его Половодов, делая злые глаза.

“Oh, don’t play the fool,” Polovodov interrupted angrily.

Обращение *батенька* снова было опущено. Оно ни разу не было заменено на подходящий эквивалент.

Далее к Ляховскому снова обращаются четыре раза.

– Послушайте, Игнатий Львович, – настойчиво продолжал Половодов.

“Look here,” Polovodov continued stubbornly.

– Однако так нельзя вести дело, Игнатий Львович.

“That’s no way of doing business.”

Данная строчка была полностью вырезана в английской версии.

– Конечно, не на себя, Игнатий Львович, – деловым тоном отвечал немец.

Далее следует последнее обращение к Игнатию.

– Игнатий Львович, что же вы в самом деле? – вступился Половодов.

“What’s the matter with you?” Polovodov intervened.

Последнее обращение в главе адресовано Оскару.

– А как я могу вас проверить, Оскар Филипыч? Ну, скажите: как?

“How do I know you won't cheat me? Tell me, how?”

Таким образом, все десять обращений были опущены.

Двадцатая глава содержит всего четыре обращения.

Первое адресовано Бахареву. Привалов отвечает, почему его так долго не было.

– Да вы все были заняты, Василий Назарыч...

“You're always so busy.”

Второе уже сам Бахарев адресовал Вере. В английской версии отец называет дочь не козой, гусенком.

– Ну, а ты, коза, «в книжку не читаешь»?

“What about you, little' goose? D'you read too?”

Далее действие переносится во времени вперед. Надежда и Максим прогуливаются в саду. Она предлагает присесть.

– Сядем здесь, Максим... Я устала, – послышался голос Надежды Васильевны, и затем она сейчас же прибавила: – Я не желала бы встретить Привалова.

“Let's sit here, Maxim,” Nadine said, adding: “I shouldn't like to meet Privalov.”

Имя Лоскутова остаётся неизменным в переводе. Надежда называет его по имени, что свидетельствует об их близких отношениях. Максим также называет её по имени.

– Но ведь это не дети, Надя...

“But he's not a child, Nadine.”

Как уже говорилось, имя Бахаревой на протяжении всего романа переводится как *Nadine*.

На этом вторая часть произведения подходит к концу.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В результате анализа можно сделать вывод о том, что обращения отражают социальные статусы персонажей, их отношения и личностные качества. В тексте присутствуют различные формы обращений:

1. Обращения по имени. В романе персонажи часто обращаются друг к другу таким образом, что указывает на их дружеское или близкое отношение. В этом случае был применен приём транслитерации.

2. Обращения на «вы». В романе часты и такие случаи, особенно между персонажами, которые не являются близкими друзьями или родственниками. Например, Привалов обращается на «вы» к Половодову.

3. Обращения без использования личных местоимений. В некоторых случаях персонажи обращаются к другим, не используя личные местоимения. Например, когда Бахарев обращается к Привалову, он говорит: «Сергей Александрыч, я бы хотел обсудить с вами...». В переводе такие обращения либо опущены, либо переданы с помощью транслитерации.

4. Частым переводческим приёмом во второй части было опущение.

5. В некоторых моментах переводчик прибегал к приёму транслитерации. В других заменял слова функциональным эквивалентом.

Результаты, полученные при анализе обеих глав, можно представить в виде диаграммы:

6. В результате анализа становится понятно, что полной эквивалентности в переводе достичь невозможно. Так, например, Бархударов, утверждает, что при переводе неизбежны потери [10, с. 105]. Таким образом, всего сто пятьдесят три обращения были заменены на функциональный эквивалент. Не во всех случаях такая замена оказалась удачной. Некоторые обращения с характерной эмоциональной окраской были заменены на нейтральные (*Серезжа – Sergei, nana – Father*).

7. Невозможно точно перевести каждое обращение, поскольку русский и английский языки отличаются по грамматической структуре, по количеству слов. Кроме того, различается культура языков [28, с. 203]. Например, Верёвкин часто называет Привалова *батенькой*. Такое обращение невозможно было сохранить в переводе, так как оно отсутствует в английском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа посвящена проблемам перевода обращений в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Язык произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка опирается прежде всего на народно-разговорный речевой слой. Обращения выступают как средство речевой характеристики персонажа. Таким образом, обращения как компонент речи повествователя выполняют в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка ряд существенных функций: они участвуют в воспроизведении особенностей изображаемой ситуации, в создании речевой характеристики рассказчика, осуществляют экспрессивное выделение важных смысловых мотивов текста, выражают различные эмоционально-оценочные оттенки.

В исследовании было осуществлено решение нескольких задач.

В соответствии с первой задачей было установлено, что литературно-художественный стиль имеет несколько особенностей:

1. Образный характер: тексты этого стиля отражают реальность в картинах жизни, характерах людей и явлениях природы.
2. Повышенная эмоциональность и экспрессивность: тексты воздействуют на чувства и воображение читателей.
3. Эстетическая функция: тексты служат для выражения эстетических идей и концепций.
4. Богатство и разнообразие используемых средств: тексты могут включать языковые средства разных стилей и типов речи.
5. Индивидуальность творческой манеры автора и уникальность воссозданного им мира.
6. Выразительность речи благодаря использованию образных средств языка (метафор, эпитетов, олицетворений, сравнений и т. д.).
7. Структурная упорядоченность произведений согласно литературным канонам и образцам, а также принципам поэтики литературных направлений.

Эти особенности влияют на способы и процесс перевода текстов в данном функциональном стиле. Специфика перевода художественного текста заключается в стремлении переводчика передать не только информацию, но и эстетические и художественные аспекты оригинала. При этом учитываются цели перевода, такие как знакомство читателей с творчеством писателя, культурой другого народа или содержанием книги.

Проблема перевода обращения входит в проблему художественного перевода. Обращение является обособленным интонационно и грамматически самостоятельным компонентом предложения или сложного синтаксического целого, который служит для обозначения лица или предмета, являющегося адресатом речи.

Особенности перевода обращений в художественном тексте связаны с сохранением национального колорита, учётом социальных факторов и этикета языка оригинала, а также с представлением характерных особенностей периода создания произведения и его исторического своеобразия.

При переводе обращений важно принимать во внимание стилистику текста, представлять себе особенности периода его создания и национальное своеобразие. Выбор средств для трансформации отрывка также представляет определённые сложности.

Исходя из результатов проведенного исследования, можно прийти к следующим выводам: большинство обращений в романе содержат в себе культурную коннотацию.

Основными трудностями при переводе являются: отсутствие соответствия реалии в ПЯ и необходимость передать не только смысл слова, но и сохранить национальный колорит. Таким образом, передача колорита такого представляет наибольшую трудность при переводе обращений.

Помимо прочего, они являются индикатором, помогающим читателю понять отношения между персонажами. Говорящий приписывает слушающему определенную социальную роль в условиях коммуникации.

Зачастую Шнеерсон использовал приём опущения, так как большинство обращений – это имена-отчества героев (нечасто оставлял имя без отчества). Лишь в редких случаях переводчик прибегал к транслитерации, закрепляя такой перевод обращений за отдельными персонажами. Только четыре героя называли Привалова по имени-отчеству в английской версии.

Важно помнить, что правильный перевод обращений способствует передаче интонации, эмоций и отношений между персонажами, что делает текст более живым и достоверным для читателя. Помимо выбора правильных обращений при переводе, нужно учитывать контекст и характер персонажа. Например, обращения к главному герою могут быть более формальными или интимными в зависимости от отношений с окружающими персонажами (*Серёжа, батенька, Сергей Александрыч*).

В диалогах между персонажами важно понимать их роль в сюжете и их характеристики. Например, герои с разными социальными статусами могут обращаться друг к другу по-разному, что также должно отражаться в переводе (*Барыня, Матрена*).

Также не стоит забывать о том, что обращения могут нести в себе намеки на отношения между персонажами, их эмоциональное состояние или даже их характерные черты. Поэтому важно выбирать перевод обращений таким образом, чтобы передать не только буквальное значение, но и все нюансы, которые несет с собой это обращение в оригинале (*Тонечка, Верочка, дура, ржавчина*).

Анализ перевода трёхсот тридцати семи обращений позволил установить следующее:

Выбор между передачей формы или использованием функционального эквивалента при передаче обращений обычной вежливости в большинстве случаев является субъективным выбором переводчика и зависит от необходимости/желания создания национального колорита в переводе.

Суффикс в составе обращения в русском языке имеет широкую функциональность и передается в примерно равной степени с помощью транслитерации и опущения.

Суффиксы в именах собственных транслитерируются, или передаются с помощью других языковых средств (например, эпитетов), краткие формы имен собственных в роли обращения в русском языке, как правило, не передаются при переводе на английский.

Опущение, как основной прием при передаче обращений, включающих титул, звание, профессию, должность, главным образом затрагивает обращение стандартной вежливости и не искажает функциональной структуры единиц ИЯ.

Основные различия в обращениях обычной вежливости связаны с более широкой функциональностью имени и отчества в русском языке. Большинство обращений в романе – это как раз имена-отчества. К ним применяются различные приёмы перевода.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о переводе местоимения «Вы» с русского языка на английский. Оно употребляется при особом вежливом или официальном обращении к одному лицу.

Английское «you» используют и вместо «ты», и вместо «вы» как обращения к одному человеку, и вместо «вы» как обращения к нескольким людям, и даже «Вы» как особо уважительного обращения.

Местоимение «you» может использоваться одновременно и как вежливое обращение, и как невежливое. Поэтому важную роль играет интонация и контекст.

Чтобы сохранить вежливую форму обращения, переводчик прибегает к замене. В качестве примера возьмём сцену из шестнадцатой главы. Кучер Илья приходит к Ляховскому за зарплатой. На протяжении всего диалога Илья называет его *master*.

– *А насчет жалованья, Игнатий Львович...*

“*Salary, master.*”

– Да за месяц уж пожалуйте... двадцать пять рублей.

“A month’s salary, master—twenty-five rubles.”

Таким образом, в переводе сохраняется иерархия их отношений.

В процессе анализа было установлено, что далеко не все обращения имеют в ПЯ точные, однозначные соответствия. Переводчики зачастую должны искать свое решение, которое может быть обусловлено факторами лингвистического и экстралингвистического характера.

В рамках исследования был проанализирован один вариант перевода романа, поскольку это единственная версия на английском языке.

Несмотря на неослабевающий интерес лингвистов к творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка, исследователи нечасто обращаются к анализу его произведений, переведенных на английский. Данный роман не стал исключением.

Отсюда вытекают перспективы нашей работы:

1. Собственный перевод романа. Как следствие, у «Приваловских миллионов» будет две версии на английском языке, которые можно будет сопоставить друг с другом.
2. Сравнение данного романа по критерию обращения с другими произведениями автора.
3. Выделение других синтаксических черт (однородные члены, простые и сложные предложения) в романе.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы. Рассказы (1884) // Собр. соч. в 8 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 2. 592 с.

2. Mamin-Sibiryak D. The Privalov Fortune / translated from the Russian by V. Shneerson, designed by M. Taranov. Moscow: Foreign Languages Publishing House, [s. a.], 475 p.

Исследования

3. Абдишарипова Т. Ж. Синтаксис и его классификация / Т. Ж. Абдишарипова // Экономика и социум. – 2021. – № 3 (82). – Ч. 1. – С 359–361.

4. Акулова Н. Н. Обращение // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 346–348.

5. Алексеева И. С. Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

6. Алешкина Е. Ю. К вопросу о семантической характеристике лексики обращения / Е. Ю. Алешкина // Функционально-семантические отношения в лексике и грамматике. Межвуз. сб. научных трудов. – М.: Новосибирск: НГПИ, 1991. – С. 63–67.

7. Алпатов В. М. О мужском и женском вариантах японского языка / В. М. Алпатов, Т. Б. Крючкова // Вопросы языкознания. – 1980. – № 3. – С. 58–68.

8. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И. В. Арнольд. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 384 с.

9. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1981. – Т.40. №4. – С.356–367.
10. Бархударов Л. С. Язык и Перевод. Вопросы общей и частной теории перевода: учеб. пособие/ Л.С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
11. Беседина Н. А. Морфология: от морфемы к морфологически передаваемому концепту / Н. А. Беседина // Научный результат: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. № 1. 2015. С. 4–12.
12. Бортников В. И., Бортникова А. В. Категориальная идентификация публицистического начала в ранних очерках Д. Н. Мамина-Сибиряка // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 54–66.
13. Вепрева И. Т. Разговоры автомобилиста за рулём и типы квазиадресата // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения: сборник докладов, Москва, 24–26 февраля 2012 года / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. – С. 82–92.
14. Виноградов В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
15. Влахов С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М.: Р.Валент, 2009. – 360 с.
16. Водясова Л. П. Семантико-синтаксический статус обращения и его эмоционально-оценочный потенциал / Л. П. Водясова // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 616–623.
17. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Комкнига, 2007. – 144 с.
18. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник / Н. К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 214.

19. Гарбовский Н. К. «Такой науки быть не может». К эпистемологии науки о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 7–24.
20. Горнфельд А. Г. О толковании художественного произведения / А. Г. Горнфельд // Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 2006. – С. 401-406.
21. Граудина Л. К. Культура русской речи / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. – 560 с.
22. Данилов С. Ю. «Я» и «Ты» как сигналы специфики коммуникативного взаимодействия // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: Материалы XVII Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 14–15 апреля 2014 года / редкол.: Л. А. Закс, Л. А. Мясникова, А. П. Семитко [и др.]. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. – С. 495–499.
23. Дробышева Т. В. Перевод художественного текста с точки зрения теории межкультурной коммуникации / Т. В. Дробышева // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2007. №2/. – С. 95–98.
24. Егорова А. А. К вопросу определения лексики и стилистики / А. А. Егорова // Сервис Plus. 2021. Т. 15. № 2. С. 62–72.
25. Ингарден Р. Исследования по эстетике / Р. Ингарден. – М.: Изд-во иностранной литературы, 2000. – 552 с.
26. История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. Е. К. Созиной. – М.: Языки славянских культур, 2021. – Кн. 2. – 776 с. (С. 665–1440.)
27. Ицкович Т. В. Речевой жанр обращения в православной молитве // Речевые жанры современного общения: тезисы докладов международной конференции, Москва, 23–25 февраля 2015 года. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. – С. 71–75.
28. Казакова Т. А. Практические основы перевода / Т. А. Казакова – М.: Союз, 2005. – 319 с.

29. Кашкин И. А. Для читателя-современника: статьи и исследования / И. А. Кашкин. – М.: Советский писатель, 1977. – 560 с.
30. Келер А. И. Обращение в новоапостольских молитвах // Молодые голоса: сб. тр. молодых ученых / под ред. И. В. Шалиной. Вып. 10. – Екатеринбург: Ажур, 2021. – С. 5–7.
31. Комиссаров В.Н. Теория перевода: Лингвистические аспекты / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
32. Куличкина А. Н., Шергина Т. А. Функционирование обращений в художественном тексте (на материале произведений В. Н. Войновича) // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VII Международной научно-практической конференции: в 4 ч. (Пенза, 05 июня 2019 года). – Пенза: Наука и Просвещение, 2019. – Ч. 1. – С. 149–152.
33. Купина Н. А., Николина Н. А. Филологический анализ художественного текста. – М: Флинта, 2011. – 408 с.
34. Лилова А. Введение в общую теорию перевода / А. Лилова; Пер. с болг.; Под общ. ред. П.М. Топера. – М.: Высшая школа, 1985. – 256 с.
35. Лотман Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – 247 с.
36. Маслов Ю. С. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. – М.: Высш. шк., 1975. – 272 с
37. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта, 2004. – С. 27.
38. Матвеева Г. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Г. В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1990. – 172 с.
39. Межова М. В. Особенности художественного перевода в структуре межкультурной коммуникации / М. В. Межова. – М.: Кемер. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. – 24 с.

40. Мельникова А. В. Система повествования в малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка (1883–1886 гг.) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2014. № 4. С. 27–32.

41. Мызникова В. В. Речевое оформление и использование обращений в японском и корейском языках / В. В. Мызникова // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 28–33.

42. Ненарокова М. Р. Рецепция античного жанра диалога в эпоху Каролингов // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 106–130.

43. Никольский Е. В. Роман-семейная хроника и проблема жанрового своеобразия романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» // Art Logos. – 2018. – № 1 (3). – С. 57–80.

44. Ремизова, С. А. Вопросительность в диалоге: специфика речевых реализаций (на материале английского, немецкого и русского языков): Дисс канд. филол. наук: 10.02.19. КГУ / С. А. Ремизова. – М.: Краснодар, 2001. – 239 с.

45. Самофал Е. И. «Аленушкины сказки» Д. Н. Мамина-Сибиряка в английском переводе 1922 г.: к проблеме передачи имен // Молодые голоса: сб. тр. молодых ученых / под ред. И. В. Шалиной. Вып. 11. – Екатеринбург: Ажур, 2023. – С. 166–172.

46. Самофал Е. И. Обращения персонажей друг к другу в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (сопоставительно с английским переводом) // Слово в зеркале истории языка: сб. ст. VII Абрамовских научных чтений, Набережные Челны, 13 октября 2023 г. Набережные Челны: Набережночелнинский государственный педагогический университет, 2023. С. 114–123.

47. Сейтжанов Ж. Е. Обращение как многофункциональное и разностатусное синтаксическое явление / Ж. Е. Сейтжанов // Тамбов: Грамота, 2010 № 3 (7). С. 140–142.

48. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода [Текст] / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.

49. Тогоева И. От редакции [Текст] / И. Тогоева, И. Данилевский // Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней: материалы конференции / Под. ред. И.Н. Тогоевой. – М.: ИВИ РАН, 2010. – С. 5–10.

50. Тюленев С. В. Теория перевода: Учебное пособие / С. В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.

51. Усачева Я. В. Языковая картина мира и подходы к анализу оригинала и перевода художественного произведения // Новый филологический вестник. 2017. №3 (42). – С. 241–253.

52. Усманова Х. С. Сопоставительный анализ лексики русского и английского языков, образованной путем словосложения / Х. С. Усманова // Известия Чеченского государственного педагогического университета Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 24, № 2 (26). – С. 44–49.

53. Фёдоров А. В. Введение в теорию перевода / А. В. Фёдоров. – М.: Литературы на иностранных языках, 1958. – 375 с.

54. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы / А. В. Фёдоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 348 с.

55. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Москва: Рус. яз., 1987. – 156 с.

56. Халимбекова М. К. Термины родства в функции обращения в языках различных культур: лезгинском и английском // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (27). – С. 105–109.

57. Хутыз И. П. Фактор адресата в письменном академическом дискурсе / И. П. Хутыз // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 1. С. 146-162.

58. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М., 2009. – С. 205.

59. Ширинкина М. А. Речевая агрессия в обращениях граждан к власти // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. М. П. Котюровой. Вып. 17. – Пермь: ПГНИУ, 2013. – С. 84–94.
60. Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка: учеб. для студ. высш. учеб. Заведений / Н. Л. Шубина. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 256 с.
61. Bassnett, S. Translation Studies / S. Bassnett. – London: Routledge, 1992. – 176 p.
62. Halliday M. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective / M. Halliday and Hasan R. – M.: Oxford University Press, 1991. – 126 p.
63. Hofstede G. Culture and organizations: Software of the mind / G. Hofstede. – London: McGraw-Hill, 1991. – 429 p.
64. Kramsch C. Language and Culture / C. Kramsch. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – С. 31–55.
65. Lambert J. Literary Translation. In: M. Baker, ed. Routledge Encyclopedia of Translation Studies / J. Lambert. – London: Routledge, 1988. – 130–134 p.
66. Landers C. E. Literary Translation: A practical Guide / C. E. Landers. – New Jersey University Press: Multilingual Maters, 2001. – 214 p.
67. Newmark P. A Textbook of Translation / P. Newmark. – New York and London Prentice Hall, 1988. – 292 p.
68. Newmark P. More Paragraphs on Translation / P. Newmark. – New Jersey University Press: Multilingual Maters, 1988. – 226 p.
69. Venuti L. The Translator's Invisibility. A history of translation / L. Venuti. – London and New York: Routledge, 1995. – 353 p.

Электронные ресурсы

70. Базылев В. Н. Художественный перевод / В. Н. Базылев [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyu-perevod>

71. Байкова О. Э. Понятие функционального стиля в современной лингвистике / О. Э. Байкова [Электронный ресурс]. – URL: https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2016/05/bajkova_statya.pdf

72. Гусева А. А. Что такое грамматика? (Грамматика как философская проблема) / А. А. Гусева [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-grammatika-grammatika-kak-filosofskaya-problema/viewer>

73. Минина О. Г. Обращение в современном английском языке (коммуникативные функции) / О. Г. Минина [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-v-sovremennom-angliyskom-yazyke-kommunikativnyye-funksii>

74. Никитина Н. В. Эстетическая функция художественного стиля / Н. В. Никитина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Эстетическая-функция-художественного-стиля-Викторовна/f916d79bd76cc6e9500ec5f8d23f8b82d6b1dc68>

75. Ослопова В. Ю. Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса [Электронный ресурс]. – URL: <https://lib.tsu.ru/mminfo/000063105/329/image/329-019.pdf>

Справочные материалы

76. Англо-русский словарь Мюллера [Электронный ресурс]. – URL: <https://eng-rus-muller-dict.slovaronline.com/search?s=chatterbox>

77. Большой французско-русский и русско-французский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://big-fr-rus-fr-dict.slovaronline.com/12994-canaille>

78. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь/Лит. ред. М. Д. Литвинова.—4-е изд., перераб. и доп. – М. Рус. яз., 1984. – 944 с.

79. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – URL: <https://translate.academic.ru/little%20imp/en/ru/>

80. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Обращение	Перевод	Переводческий прием
Барыня		Опущение
Голубчик	Dear	
Матрена	Matryona	Транслитерация
Виктор Николаич	Victor	Транслитерация + опущение
Mon ange (мой ангел)	Mon ange	
Дерево	You Blockhead	
Ржавчина	For heaven's sake	
Хина	Khiona	Транслитерация
Nadine	Nadine	
Коза	Frisky little goat	
Верочка	Vera	
Ma petite, chevre (моя маленькая козочка)	Ma petite, chevre	
Марья Степановна	Dear	
Верочка	Dear	
Марья Степановна		Опущение
Матушка	Dear	
Хиония Алексеевна		Опущение
Верочка		Опущение
Верочка	Vera	
Батюшка	You	
Лука	Old man	
Сергей Александрыч	You	
Хиония Алексеевна	Dear Khiona	
Марья Степановна	You	

Верочка	Dear child	
Козочка		Опущение
Ракалия	Canaille	
Василий Назарыч		Опущение
Дружок	Young man	
Дружок		Опущение
Лука	You	
Маша	Marya	
Сергей Александрыч	You	
Марья Степановна		Опущение
Сергей Александрыч	You	
Хиония Алексеевна		Опущение
Василий Назарыч		Опущение
Марья Степановна		Опущение
Василий Назарыч		Опущение
Василий Назарыч		Опущение
Василий Назарыч		Опущение
Голубчик	My boy	
Маменька	Mother	
Стрекозы	Chatterboxes	
Сергей Александрыч	Sergei	
Марья Степановна		Опущение
Мама	Mother	
Надя	My dear	
Папа	Dear	
Папа	Papa	Транслитерация
Папа		Опущение
Надя		Опущение
Надя	Nadine	

Папа		Опущение
Моя бедная девочка	My poor daughter	
Надя	Nadine	
Папа	Papa	Транслитерация
Папа		Опущение
Маша	Masha	Транслитерация
Маша	Masha	Транслитерация
Вася		Опущение
Вася		Опущение
Вася		Опущение
Вася	Vasya	Транслитерация
Вася	Vasya	Транслитерация
Вася		Опущение
Маша	Masha	Транслитерация
Марья Степановна		Опущение
Марья Степановна	Marya	Транслитерация + опущение
Марья Степановна		Опущение
Хина	You	
Хиония Алексеевна		Опущение
Дура	Fool	
Мама	Mother	
Надежда Васильевна	You	
Надя		Опущение
Папа	Father	

Папа	Father	
Сергей Александрыч		Опущение
Марья Степановна		Опущение
Марья Степановна		Опущение
Мама	You	
Голубушка	My dear	
Мама	Mother	
Верочка	Vera	
Павла Ивановна	You	
Сереза	Sergei	
Павла Ивановна		Опущение
Сергей Александрыч		Опущение
Nicolas	Nicolas	
Привалов	Privalov	Транслитерация
Привалов	Privalov	Транслитерация
Брат		Опущение
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	Транслитерация
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	Транслитерация
Привалов	Privalov	Транслиетрация
Привалов	Privalov	Транслитерация
Батенька		Опущение
Виктор	Victor	Транслитерация
Николай Иваныч		Опущение
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	Транслитерация
Виктор	Victor	
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	Транслитерация
Барыня		Опущение
Марья Степановна	You	

Сергей Александрыч	Sergei	Транслитерация + опущение
Сергей Александрыч	You	
Василий Назарыч		Опущение
Сергей Александрыч	You	
Сережа	Sergei	
Голубчик	Dear boy	
Василий Назарыч		Опущение
Василий Назарыч		Опущение
Сергей Александрыч	Sergei	Транслитерация + опущение
Василий Назарыч		Опущение
Сережа	Sergei	
Василий Назарыч		Опущение
Сергей Александрыч	You	
Сергей Александрыч	Sergei	Транслитерация + опущение
Василий Назарыч		Опущение
Василий Назарыч	You	
Василий Назарыч		Опущение
Василий Назарыч	You	
Агриппина Филиппьевна		Опущение
Агриппина Филиппьевна	My dear	
Хиония Алексеевна	My dear	
Хиония Алексеевна	My dear	
Агриппина Филиппьевна	Agrippina	Транслитерация + опущение
Агриппина Филиппьевна	Dear	

Агриппина Филиппьевна	Agrippina	Транслитерация + опущение
Хиония Алексеевна		Опущение
Mon ange	Mon ange	
Хиония Алексеевна	Khiona	Транслитерация + опущение
Хиония Алексеевна	Khiona	Транслитерация + опущение
Агриппина Филиппьевна		Опущение
Батенька	You	
Сергей Александрыч		Опущение
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	Транслитерация
Папахен	Father	
Nicolas	Nicolas	
Папахен	Father	
Папахен	Father	
Папахен	Father	
Папахен		Опущение
Мутерхен (маменька)	Mother	
Сергей Александрыч		Опущение
Nicolas	Nicolas	
Мутерхен	Mother	
Аника Панкратыч	You	
Агриппина Филиппьевна	Dear	
Матушка	Dear	
Отцы	My good people	
Mon ange	Mon ange	
Сергей Александрыч	Sir	
Отцы		Опущение

Аграфена Филиппьевна		Опущение
Алла	Alla	Транслитерация
Голубчик	Dear	
Аника Панкратыч	Dear Lepyoshkin	
Ваше преподобие		Опущение
Иван Яковлич	Ivan	Транслитерация + опущение
Голубчик		Опущение
Аника Панкратыч		Опущение
Старый черт	Old buzzard	
Аника Панкратыч	Lepyoshkin	
Голубчик	My dear boy	
Иван Яковлич	Ivan	Транслитерация + опущение
Сергей Александрыч		Опущение
Мутерхен	Mother	
Хиония Алексеевна	Khiona	
Агриппина Филиппьевна	You	
Мутерхен	Mother	
Оскар Филипыч	Oscar	Транслитерация + опущение
Иван Яковлич	Ivan	
Братцы	My men	
Миколай Иваныч		Опущение
Миколай Иваныч	Sir	
Александр	Alexander	
Хлопче	Man	
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	
Nicolas	Nicolas	

Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	
Сергей Александрыч	You	
Александр	Alexander	
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	
Александр	Alexander	
Тонечка	Tony	
Голубчик	Darling	
Тонечка		Опущение
Тонечка	Tony	
Тонечка	Tony	
Тонечка	Tony	
Господа	Gentlemen	
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	
Тонечка	Tony	
Nicolas	Nicolas	
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	
Александр Павлыч		Опущение
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	
Батенька	You	
Тонечка	Tony, darling	
Тонечка	Tony	
Александр Павлыч	Alexander	
Александр Павлыч	Alexander	
Оскар Филипыч	Uncle Oscar	
Александр Павлыч	Alexander	
Александр Павлыч	Alexander	
Оскар Филипыч		Опущение

Александр Павлыч	Alexander	
Дядюшка	Uncle Oscar	
Александр Павлыч		Опущение
Александр Павлыч	Alexander	
Оскар Филипыч	Uncle	
Александр Павлыч	Alexander	
Дорогой дядюшка		Опущение
Дядюшка	Uncle	
Дядюшка		Опущение
Оскар Филипыч	Uncle Oscar	
Александр Павлыч		Опущение
Дорогой Оскар Филипыч	Dear Uncle	
Дорогой дядюшка	Dear Uncle	
Тонечка		Опущение
Братец		Опущение
Брат		Опущение
Марья Степановна		Опущение
Голубчик	Dear boy	
Досифеюшка	Dosifeya	
Марья Степановна		Опущение
Голубчик		Опущение
Радуга	Rainbow	
Мама	Mother	
Мама	Mother	
Марья Степановна	Marya	
Сергей Александрыч		Опущение
Надежда Васильевна	You	
Надежда Васильевна	Nadine	
Надежда Васильевна		Опущение

Борис Григорьич	You	
Доктор	Doctor	
Сергей Александрьич	Sergei Alexandrovich	Транслитерация
Антонида Ивановна		Опущение
Антонида Ивановна		Опущение
Сергей Александрьич	Sergei Alexandrovich	Транслитерация
Тонечка	Tony dear	
Александр	Alexander	Транслитерация
Сергей Александрьич	Sergei Alexandrovich	Транслитерация
Игнатий Львович		Опущение
Альфонс Богданьич		Опущение
Игнатий Львович		Опущение
Сергей Александрьич		Опущение
Господа	Gentlemen	
Игнатий Львович		Опущение
Александр Павлыч		Опущение
Сергей Александрьич	Sergei Alexandrovich	
Игнатий Львович	Master	
Игнатий Львович		Опущение
Сергей Александрьич	Sergei Alexandrovich	
Игнатий Львович		Опущение
Господа	Gentlemen	
Сергей Александрьич	Sergei Alexandrovich	Транслитерация
Александр Павлыч		Опущение
Игнатий Львович		Опущение
Бесенок	Little imp	
Молодые люди	Young man	
Сергей Александрьич		Опущение
Сергей Александрьич	Sergei Alexandrovich	Транслитерация

Илья	Иља	
Тэке	Teck	
Барышня	Miss	
Софья Игнатьевна		Опущение
Аника Панкратыч	You	
Софья Игнатьевна	Miss	
Аника Панкратыч		Опущение
Софья Игнатьевна		Опущение
Ежовые головы	Holy cats	
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	Транслитерация
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	Транслитерация
Аника Панкратыч	Lepyoshkin	
Софья Игнатьевна	Zosya	
Аника Панкратыч	You	
Софья Игнатьевна	Zosya	
Александр Павлыч		Опущение
Софья Игнатьевна	Zosya	
Софья Игнатьевна		Опущение
Александр Павлыч		Опущение
Александр Павлыч		Опущение
Софья Игнатьевна	Zosya	
Софья Игнатьевна		Опущение
Софья Игнатьевна	Zosya	
Доктор	Doctor	Транслитерация
Доктор	Doctor	Транслитерация
Доктор	Doctor	Транслитерация
Илья	Иља	Транслитерация
Игнатий Львович	master	
Игнатий Львович	master	

Игнатий Львович		Опущение
Батенька		Опущение
Батенька		Опущение
Батенька		Опущение
Ипат	Ipat	Транслитерация
Тонечка	Tony	
Голубушка	Darling	
Голубчик	Dear	
Александр		Опущение
Антонида Ивановна		Опущение
Антонида Ивановна	You	
Сергей Александрыч		Опущение
Антонида Ивановна		Опущение
Антонида Ивановна		Опущение
Оскар Филипыч	You	
Батенька		Опущение
Игнатий Львович		Опущение
Сергей Александрыч	Sergei Alexandrovich	
Батенька		Опущение
Игнатий Львович		Опущение
Дорогой Игнатий Львович		Опущение
Александр Павлыч		Опущение
Батенька		Опущение

Александр Павлыч		Опущение
Игнатий Львович		Опущение
Оскар Филипыч		Опущение
Василий Назарыч		Опущение
Коза	Little goose	
Максим	Maxim	Транслитерация
Надя	Nadine	